

Охотники. Мегалиты Империи

Автор:

[Ник Перумов](#)

Охотники. Мегалиты Империи

Ник Перумов

Сказки Упорядоченного #2

Фатум – это больше, чем судьба, это исполненное магии и чьей-то могущественной воли движение, которому не в силах противостоять как люди, так и само время. Фатум заставил мага Вениамина Скорре поспешить к месту кровавой схватки его старых друзей с гуунами. Фатум свел чародейку Алисанду дю Варгас с охотником на вампиров, его раненым учеником и знаменитым алхимиком. Почему? Потому, что только вместе им возможно найти мегалиты Империи, древний артефакт, которому предназначено стать инструментом осуществления Пророчеств Разрушения, и попытаться сдержать прорыв Хаоса. Но на пути встретившихся так много опасностей и ловушек, так много замыслов разных существ, ищущих славы, власти или пользы, так много тайн, которые еще предстоит раскрыть!

Ник Перумов

Охотники. Мегалиты Империи

© Перумов Н., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Синописис, или Что было раньше?

В одном из миров Упорядоченного, куда как-то раз тропа завела даже боевого мага Клару Хюммель, жили-были люди, эльфы, гномы, половинчики и другие расы; жили там и вампиры, самые настоящие. Сосали кровь, обращали жертв в новых упырей, убивали, а где есть такое зло, там непременно появляются те, кто ему противостоит.

Как ни странно, это оказались простые смертные, охотники, ловцы, а вовсе не изощрённые в магических искусствах чародеи.

Старый охотник на вампиров, мастер, и его молодой ученик идут по следу упыря, лишившего жизни дочь князя Предслава. Взять вампира – дело сложное, они куда сильнее и быстрее любого человека; приходится уповать на хитрость, сложные ловушки, капканы да на алхимические снадобья, что варит добрый знакомец мастера, мэтр Бонавентура.

После долгой погони мастер и ученик настигли кровососа в старых эльфийских развалинах, однако оказалось, что спешил вампир не просто так, а на встречу с неким чародеем, вместе с которым провёл ритуал вызова самого настоящего демона, причём волшебник и упырь словно бы разом и помогали друг другу, и друг у друга учились.

В короткой схватке упырь – оказавшийся упырицей – был сильно покалечен, но успел зацепить когтями мастера, легко ранить ученика и сбежать. Чародея охотники взяли, он тоже оказался девушкой, назвавшейся Корделией Боске, членом Капитула волшебников.

Она призналась, что у магов с вампирами существует что-то вроде секретного договора. Магов интересует умение вампиров вызывать демонов из другого мира и до определённого предела их контролировать. Вампирам требовались

усовершенствованные, отточенные чары для управления демонами, которые упыри сами разработать не могли.

Отпустив на все четыре стороны чародейку, мастер и ученик со всей поспешностью отправились обратно. Упырица непременно должна была вернуться, едва только регенерирует и избавится от полученных ран.

И она вернулась, но не одна. Ещё двое молодых упырей, а с ними – обратившая их всех высшая вампирша, Венкевильяна, известная как Алая Леди.

В тяжёлом бою охотникам удалось сразить одного из упырей, тяжело ранить двух других, но также тяжкие раны получил и ученик. И, наверное, мастер сам бы остался там, если бы неожиданно не подоспела помощь – неведомое существо, похожее на странного крупного зверя, заставило обратиться в бегство Венкевильяну и добило двух оставшихся в живых вампиров.

С большим трудом мастер довёз смертельно раненного ученика до города Предславля, куда, получив известия, поспешил на помощь и мэтр Бонаventura. Алхимику удалось задержать процесс преобразования юноши в чудовище, однако, чтобы окончательно справиться с бедой, требовался маг.

И тогда мастер с Бонавентурой вспомнили об одном чародее, что в стародавние времена вместе с ними охотился на вампиров...

О мэтре Вениамине Скорре. Каковой чародей уже изрядное время пребывал на дальнем севере, работая скромным градовым волшебником в Грибной Круче, посёлке половинчиков. И надо ж было такому случиться, что именно сейчас его уединение оказалось нарушено – в гости пожаловала его давняя знакомая и любовный интерес, чародейка Алисанда де Брие ди Бралье дю Варгас, с которой Вениамина во время их совместной учёбы в Академии связывали сильные чувства.

Вениамин далеко не сразу понял цель визита волшебницы. А явилась она, ни много ни мало, просить его содействия в некоем таинственном, но очень важном проекте Капитула, где участвовали вампиры. Мэтр Скорре якобы препятствовал чародеям, рассылая неких гомункулусов, убивавших столь ценных для проекта упырей.

Само собой, мэтр Скорре всё отрицал.

Неизвестно, сколько ещё продолжались бы словесные дуэли бывших любовников, однако в лей-линиях, проводящих магическую силу сквозь плоть мира, возникло странное колебание. Вениамин с Алисандой отправились по следу, приведшему их к старому капищу поклонявшихся Хаосу. И из него вырвалась диковинная козлоногая тварь, легко избегшая боевых заклинаний и объявившая, что явилась сюда возвестить скорый конец мира и воплощение неведомых Пророчеств Разрушения.

Легко отбившись от мага и волшебницы, козлоногое существо скрылось.

Алисанда жаждала во что бы то ни стало заполучить его, захватить в плен, допросить. И обратилась для этого к своим, как она выразилась, «ситуативным союзникам» – вампирам.

Выследив козлоногого посредством изощрённого заклинания, Алисанда и Вениамин открыли для пары явившихся вампиров два портала, ведущих прямо к козлоногому существу. Вскоре те вернулись вместе с пленником, но сильно помятые. В уплату вампиры – их звали ле Вефревель и Беата – потребовали с Алисанды некие заклинания. И та готова была их отдать, но молодая упырица Беата выхватила книжку из рук волшебницы и исчезла в неизвестном направлении, напоследок открыв портал, из которого появился демон-великан. С этим гостем не удалось справиться даже магам и ле Вефревелю вместе. Их спасло лишь то, что Алисанде ценой больших усилий удалось закрыть распахнутый Беатой портал.

Становилось ясно, что изначальный план Капитула потерпел крах. Теперь надо было понять, что это за Пророчества Разрушения, и отразить новую угрозу.

Пролог

По пергаменту бегут строчки, ровные, как по линейке. Перо танцует в тонких пальцах, глаза странного янтарного цвета глядят в написанное напряжённо и внимательно. Выстроившиеся аккуратной чередой символы не имеют никакого

сходства ни с одним распространённым алфавитом. Мало кто знает, что девушка, известная в Ордене петерианцев как Магда, смешивает в своём донесении три мёртвых языка, накладывая их на грамматику четвёртого. «Буквы», составляющие письмо, не используются никем, кроме братьев и сестёр Ордена.

Попади это послание в чужие руки, даже к чародеям Конгрегации, им придётся попотеть над расшифровкой.

«Ваше высокопреосвященство,

первая часть работы успешно завершена. Испытания показали устойчиво воспроизводимый результат. В ближайшее время мы подвергнем полученное последней проверке. Наши друзья указывают на некую цель, возможно, известную вашему преосвященству; конкретную детерминацию цели я не решаюсь доверить даже этому посланию. Эрадикация указанной цели – в интересах наших друзей, ибо она связана с оказываемым им противодействием; нам же она не принесёт ни выгод, ни убытков. Предполагаю согласиться с доводами наших друзей.

Магда».

Глава 1

Северный тракт

Конечно, думал мастер, путешествовать в таком дилижансе куда приятнее, чем на спине варана. Мягкое кресло, внутри тепло, смотри себе в окошко да размышляй о бренном. Ну или о нетленном, буде захочется.

Досточтимый бакалавр натурфилософических наук мэтр Бонавентура для разнообразия оставил препарирование вампирьих голов и взялся кормить своего пациента, так и пребывавшего в странном полубессознательном состоянии.

– Морриган – творение Алой Леди. – Толстяк стоял рядом с закреплёнными носилками. – Теперь можно сказать с полной уверенностью. И Грегор, и Петер тоже. Все – относительно свежие. Морриган моложе, двум другим – не больше пяти-шести лет. Однако... мне ещё предстоят дополнительные исследования... что-то не нравится мне в их экскретах, у всей этой четвёрки. И у самого свеженького, коего вы, друг мой, с учеником заломали первым, и у остальной тройки. Нетипичны. Но здесь, в полевых условиях, я могу провести лишь самый поверхностный анализ. Здесь не сделаешь правильную конъюнкцию или путрификацию. – Он вздохнул. – Ешь, ешь, бедолага. Ешь-то ты хорошо... а вот со всем остальным... Настоящий маг нужен, ох как нужен.

Мастер молчал.

– В общем, подтверждается, – продолжал меж тем Бонавентура. – Алая Леди творит одного упыря за другим. И они действительно обладают... ядрёным ихором, да простится мне сей оборот. Кости, форма, объём самих желёз – как у молодых вампиров, а вот по экскретам, если я не ошибаюсь, конечно – и старикам фору дадут. Сильна наша Красная Упырица, что уж тут говорить.

– Это я уже слышал, – не выдержал мастер. – Вот только что нам теперь с этим делать? «Уничтожить её» – легко сказать, само собой; как её выследишь? Каким образом? Сегодня она здесь, завтра там – мотается по всему Припроливью, насколько я понял!

Бонавентура сосредоточенно кормил раненого ещё какое-то время, не отвечая раздражённому охотнику. Потом отставил миску, со вздохом шлёпнулся на свой любимый диван.

– Ты прав, дружище, столкнуться с ней можно только случайно, вот как ты, например. А если за ней гоняться, так и всю жизнь впустую запросто пробегаешь.

– Но у тебя же есть план? – Мастеру очень хотелось закрыть глаза и ни о чём не думать, отдавшись плавному покачиванию дилижанса. Закрыть глаза и спать. Сон – последнее наше прибежище...

– Плана пока что нет, – признался алхимик. – Точнее, он есть, но отсутствуют некоторые важные детали. Как то: что может послужить приманкой, на которую

Алая точно клюнет? Как сделать так, чтобы вести дошли до неё? В общем, она, предчувствую, будет охотиться за нами, а мы – за нею. Вот ты как думаешь, что её может привлечь?

Мастер помолчал.

– Месть, – сказал он наконец. – Ве... Красная Упырица потратила много времени на напыщенную и дурацкую речь в мой адрес. Злорадствовала. Торжествовала. На тот момент она... и впрямь побеждала, одного упыря мы завалили, двое других были просто ранены и наверняка бы регенерировали. Если б не тот зверь – или кто он там есть – мне бы конец и пришёл. Так вот, думаю, что отомстить она сейчас хочет люто. И неважно, что я по сравнению с ней – так, несчастный человечико, которых её род презирает всей отсутствующей, если верить святым отцам, душой. Оттого она лишь ещё больше будет хотеть мне башку оторвать да на кол насадить. Понимаю, что не слишком убедительно это всё, вилами по воде, если честно, но... – он развёл руками, – лучшего у меня нет.

– Самое скверное, что у неё нет никакого устоявшегося паттерна, – пробормотал алхимик, приставляя палец к собственному виску. Слов мастера он словно бы и не услышал. – Картотека моя, хоть и очень неполная, отмечает её то тут, то там. То у князя Предслава, то у владельца Войтека. То у кёнига Фредерикса, то у круля Ребежца. А то и дальше забежит – и в областях Академии её видывали, и за Гнилогорьем, и на побережье – много где...

Бонаventura вдруг уставился прямо на мастера – тот аж вздрогнул.

– Тебя, друг мой, использовать в качестве наживки? Хм-м... заманчиво, заманчиво. Но надо ведь так, чтобы весть дошла до кого нужно, вот в чём дело... Хотя... вот скажи, дружище, какая для вампира самая желанная добыча?

– Маг или волшебница, – не задумываясь, тотчас ответил мастер. – Молодой. Юноша или девушка. Лет пятнадцать, может, шестнадцать. Самый заветный приз.

– Хм-м... – продолжал тянуть алхимик. – А маги при всём при том с вампирами, в отличие от вас, не воют. Интересно почему?

– Конгрегация чародеев какими-то своими делами занята, – пожал плечами охотник. – Но упыри их не заботят, это точно. Как говаривал магистр Скорре – «вампиры там почитаются частью естественного порядка вещей».

– Естественный порядок вещей! – фыркнул мэтр. – Слыхал, как же, доводилось. Дескать, вампиры защищают наш мир от перенаселения. Люди научились бороться со многими эпидемиями, и не только магией, но и простыми лекарствами, полученными благодаря алхимии, – спасибо, спасибо большое. – Он шутовски раскланялся, словно благодаря невидимую аудиторию. – И, дескать, великая Натура, сиречь Природа, ответила, явив нам вампира – вершину пищевой пирамиды, совершенного истребителя людей, не способного иметь потомство *solet chororum*, то есть обычными методами. Таким образом вампиры не могут окончательно вытеснить людей, ибо исчезнут сами. Прелестные рассуждения, не правда ли?

– Прелестные, – фыркнул мастер. – Да что в них толку? Главное то, что маги – в большинстве – нам не помощники.

– Согласен. Надеюсь только, что у магистра Скорре найдётся хоть сколько-нибудь друзей, разделяющих его идеалы.

Мастер молча пожал плечами. В конце концов, он был охотником. Он встречал упырей лицом к лицу, бился насмерть и побеждал. Высокие материи политики магов и их Капитула – не про него. Да и не про Вениамина Скорре.

Смеркалось. Осень здесь, на севере, приходит рано. Позади остались владения великого князя Предслава, начиналось небольшое, но весьма задиристое маркграфство Штирбер.

Здесь старательно копировали табарды, форму и стиль Империи Креста. И крест, разумеется, имелся здесь тоже, только не чёрный на белом фоне, а красный на бледно-голубом.

Старая имперская дорога, в княжестве Предслава содержавшаяся в отменном порядке, здесь сделалась куда хуже. Старые плиты держались отлично, их даже не удалось выковырять из земли – в так называемые Тёмные века, когда циклопические постройки канувшей в небытие Империи всякий встречный и поперечный растаскивал на собственные нужды – однако вот мусора, сломанных

веток, а порой и целых стволов на тракте валялось немало.

Пограничная стража в грязных и вылинявших табардах, на которых едва можно было различить алый крест, к удивлению мастера, пропустила их, не задав ни единого вопроса и даже не став вымогать мзду поверх обычной рубежной пошлины.

– Знают меня тут, – скромно пояснил мэтр Бонавентура. – Бывали-с.

Немолодой уже десятник с капустой в лохматой бороде и шрамом через левый глаз махнул алхимику, словно старый знакомый.

– Лечил я его милости маркграфу как-то шанкры на причинном месте, – делано вздохнул толстяк.

– И, надо полагать, вылечил? – сухо осведомился мастер.

– Разумеется! – оскорбился Бонавентура. – За кого ты меня принимаешь? Не справиться с банальнейшим Syphilis Vulgaris?

– Не так-то много алхимиков, которые бы справились...

– Х-ха! Так это же я, дружище. Кстати – это прекрасная иллюстрация к моим словам о полезности вампиров, их экскретов и вытяжек из различных частей их тела. Лекарства мои включали четыре уникальные компоненты ихора. Я как раз искал, на ком бы их испытать...

– И испытал, я так понимаю, успешно?

– Полный успех, дружище, полнейший! Наш дорогой маркграф, да не поразит его безвременная infirmitatem erectile, восстал с одра скорбей та-аким, я тебе доложу, живчиком! Кажется, в первую же неделю он заделал пятерых или шестерых бастардов, обрюхатив всех служанок и поварих, пребывавших в фертильном возрасте.

Мастер только покачал головой.

– С тех пор ваш покорный слуга здесь – желанный гость, – церемонно раскланялся алхимик.

Застава осталась позади. Тракт углубился в лес, глухой и имевший вид настоящей чащи, где ещё можно встретить непуганых единорогов.

– Сударь! – прогудел из переговорной трубы голос кучера. – Сударь Бонавентура, соблаговолите взглянуть!

– Ну что там ещё такое? – тяжело вздохнул толстяк. Перспектива вставать с удобного дивана его явно не прельщала.

– Не нравится мне тут, сударь. И Ингвару тоже не нравится.

– Что это значит? – полушёпотом осведомился охотник у мэтра, однако с того леность и вальяжность слетели мигом, словно снесённые ураганом.

– Если моим людям что-то не нравится, это в громадном большинстве случаев означает драку, – вполне серьёзно ответил алхимик. – Советую тебе, дружище, проверить, полностью ли заряжены твои арбалеты. Они ведь у тебя движимы магией, если не ошибаюсь? Кристаллы Кнехта?

Мастер отрывисто кивнул. Оба самострела уже были у него в руках. Усаженная шипами и крюками секира – рядом.

– Уходите с передка, Гюйфе, и ты, Ингвар, – вполголоса распорядился алхимик, приближая губы к переговорной трубе. Внутрь, все. Кевин, Курт, – последовал приказ в другую трубу, паре слуг, что ехали на задней площадке, – тоже внутрь. Незаметно.

Вараны замедлили шаг. Справа и слева от мастера распахнулись дверцы, двое слуг мэтра Джованни, кучер Гюйфе и стрелок Ингвар, бывший ученик охотника Джейкоба, бесшумно и ловко скользнули внутрь.

Люди Бонавентуры не были трусами, и сейчас растерянности в них мастер не видел тоже. Напряжены, собраны, внимательны, но и всё.

– Гюйфе?

– Следят за нами, мэтр. Крадутся по кустам вдоль дороги. От самой заставы начали. Пару раз копья блеснули. Но такие, не обычные...

– Совни, – перебил кучера Ингвар. – Совни и дубины. Лиц не видел.

– Понятно. Курт?

Высокий брюнет с перебитым носом, бывший урядник Алой хоругви в войске короля (или круля, как говорили в тех краях) Ребежца, доложил по-военному чётко:

– Преследуют нас, точно. Но не люди. Оружия не видел.

– Не люди? А кто тогда?

– Да я бы на каких-нибудь гоблинов-разбойников подумал, но их у нас отродясь не водилось. Низкие слишком, скорченные какие-то. Корявые, одним словом.

– Красные Шапки? – отрывисто спросил Бонавентура.

– Не, мэтр, – помотал головой четвёртый из слуг алхимика, Кевин. – Это уж совсем сказки какие-то. Гоблины хоть в Загорье есть, а Красные Шапки – это ж дальний запад...

– Мне прекрасно известно, кто где обитает, спасибо большое, – раздражённо бросил Бонавентура. – Значит, не гоблины, не поури, не гномы-ренегаты, не эльфы-ушкуйники, так что остаются только...

– Гууны, – спокойно сказал мастер, глядя в окно. – Сейчас один мелькнул. Если это не гууны, готов съесть собственный сапог.

– К бою, – коротко скомандовал алхимик, с неожиданной ловкостью извлекая из-под дивана широкую бандольеру с многочисленными склянками без пробок, запаянными наглухо. Накинул себе на плечо.

– Все готовы?

– Готов. – Мастер набросил плащ поверх торопливо надетой кольчуги.

– Тогда идём. Атакуем первыми. Тогда есть шанс. Так, други мои, хлебните-ка... для храбрости.

Алхимик поспешно опорожнил в глиняную кружку какой-то пузырьёк.

Все выпили вкруговую, не исключая и мастера. По телу быстро распространялось приятное тепло.

– А теперь вперёд! – скомандовал мэтр.

Ни один из людей Бонавентуры не возразил. На лицах их отражалась только свирепая решимость.

Вараны встали.

Бонавентура рванул какой-то рычаг, и задняя стенка кареты упала прямо вниз, образовав нечто вроде сходен. Люди мэтра, держа навскидку небольшие двухдужные арбалеты, ринулись наружу, мастер – за ними, самострелы в каждой руке, секира заброшена за спину.

Алхимик резво семенил с ним рядом, в руке – тоже нечто вроде арбалета, только стрелял он не дротами, как у остальных, а швырял вперёд разнообразные скляницы мэтра.

Кусты вокруг затрещали. Солнце заволокли сплошные низкие осенние облака, что грозили вот-вот разразиться то ли дождём, то ли даже и снегом.

Из облетевших зарослей вырвалась первая скорченная фигура, с лёгкостью размахивая длинной совнёй с внушительным, как хороший меч, лезвием, держа её притом в одной руке, словно обычный топорик. За ней ещё одна, ещё и ещё.

– Х-ха! – гаркнул мэтр Бонавентура, ловко вскидывая свой самострел. Сверкающая скляница угодила прямо в грудь самому резвому гууну, разбилась,

и вампирий прислужник немедля вспыхнул. Весь, от макушки до самых пят. Вспыхнуло долгополое одеяние, нечистые спутанные волосы, спускавшиеся ниже плеч, деформированное лицо, всё во вздутиях и каких-то шишках – плоть запылала мигом, дружно и весело.

Гууны бывают самые разные, некоторые ничем не отличаются от людей, некоторые отличаются... всем.

Этот, похоже, пребывал где-то посередине. Во всяком случае, нечувствительностью к боли его не снабдили.

Гуун уронил оружие, покатился кубарем под ноги Ингвару, завывая так, что кровь стыла в жилах. Бывший ученик охотника ловко перепрыгнул через катящийся комок пламени, Курт пинком ноги отправил его подальше от кареты и варанов, в придорожную канаву, где тот и замер уродливой тёмной грудой, что пылала жарким, чадным огнём; к небу поднялся густой столб жирного дыма.

– Есть! – завопил Бонавентура с восторгом, ну ровно мальчишка, угодивший в яблочко на глазах многочисленных (и восхищённых, понятное дело) девчонок.

Мастер одним рывком оказался впереди алхимика. Впереди, потому что со всех сторон уже бежали гууны – уродливые, корявые, низкорослые, но с бугрящимися мускулами, размахивая совнями и дубинами. Последние больше напоминали тележные оглобли; кто-то поистине не пожалел умения и времени, наделяя этих гуунов силой.

Стальной, покрытый серебром дрот вонзился в лоб набегающему гууну, в своём гнезде в рукоятке арбалета дал короткую вспышку магический кристалл, заставляя двигаться рычаг натяжения тетивы и накладывая новую стрелу. А мастер уже стрелял с левой руки; дрот вошел в похожее на смятый пельмень ухо другого гууна, только нацелившегося было в бок Кевину.

Гууна, особенно такого, не свалить простой стрелой, угоди она ему в руку, в плечо, в ногу или даже в грудь – если не считать прямого попадания в сердце. Люди Бонавентуры стреляли метко, уложили одного из нападавших, однако потребовалось для этого аж четыре дрота, вогнанных в круглую шишковидную башку создания. Зато три других гууна сумели подобраться вплотную, судорожно размахивая оглоблями и совнями, толщиной древков весьма

напоминавшими те же оглобли.

Мастер сунул самострелы обратно, в крепления на бёдрах, секира взлетела, отшибая в сторону лезвие совни, нацеленное прямо ему в живот; охотник закружился, разворачиваясь, скользя вдоль толстого древка, и правая рука направила раскрутившееся, набравшее скорость лезвие секиры прямо поперёк жутко искажённого, перекошенного лица гууна, и оно хлестнуло по глазам, зарытым глубоко меж буграми вздутой красноватой плоти.

Оба глазных яблока лопнули, словно перезревшие плоды, мастер пинком в бок сшиб воющего гууна с ног; тот выронил совню, упал на сторону, прижимая к лицу ладони, более напоминавшие лопаты. Из раны хлестала тёмная, как у настоящего вампира, кровь.

Как у настоящего вампира...

Там, где гууны – там и их хозяин, сотворивший их упырь. А четверо из шести человек понятия не имеют, как нужно сражаться с вампиром, чтобы он не разорвал тебя в первые же мгновения...

– Ингвар! – заорал мастер, видя, как бывший ученик его друга ловко обезглавил мечом-бастардом гууна, сумевшего сшибить с ног кучера Гюйфе. – Здесь упырь где-то! Мэтра! Мэтра держи!

Игнвар быстро вскинул руку со сжатым кулаком и оттопыренным кверху большим пальцем, мол, понял, выполняю; кинулся назад, где мэтр Бонавентура, встав на одно колено, расстреливал свой стеклянный боезапас.

Три гууна уже горели, снадобье мэтра воспламеняло их мгновенно и разом, причём растечься по всему телу оно явно не успевало. Двое других, прорвавшись мимо Курта и Кевина, дважды отбили летящие в них скляницы, умело прикрываясь толстыми совнями. Их оружие вспыхнуло, и оба гууна почти одновременно метнули его в алхимика, едва увернувшегося в последний момент.

Обе совни воткнулись в землю, продолжая пылать. Гууны, не колеблясь ни мгновения, ринулись на Бонавентуру, один принял прямо в грудь меч Ингвара, человек и монстр покатались кубарем, сплетаясь в чудовищный клубок; второй

гуун прыгнул, однако достойный мэтр неожиданно опрокинулся назад, на спину, разрядив самострел прямо перед собой, в проносящегося над ним прислужника упырей. Гуун мгновенно вспыхнул, рухнул наземь, покатился, срывая с себя пылающий долгополый кафтан, однако срывал и бился он очень недолго.

На выручку Ингвару подоспел Курт, вогнал длинный прямой палаш прямо в спину гууну и, похоже, достал-таки сердце – монстр дёрнулся и замер, изо рта его волной выплеснулась кровь, словно где-то в глотке был спрятан специальный насос.

Мастер на бегу рубанул очередного гууна, уйдя от стремительного удара совнёй в низ живота – вампир должен был быть где-то рядом, он отправил вперёд своих миньонов, а сам тут, поблизости, и нельзя дать ему наброситься на мэтра с его людьми, пока кипит схватка!

Собственно говоря, ему вообще нельзя давать набрасываться.

Честный бой, будь он неладен. «Грудь на грудь» и «лицом к лицу». Кошмар любого правильного охотника.

Мимо него пронеслись ещё двое монстров, но их мастер пропустил. Бойцы Бонавентуры выдержали первый натиск, должны выстоять – но вампир? Где вампир?

Мастер прорвался сквозь придорожные кусты, сквозь голые облетевшие ветки, больно хлестнувшие по лицу; позади орал, вопил, отвратительно воняло горелым мясом.

Где вампир?! Гууны не шляются в одиночку и в одиночку же не нападают!

Нет. Никого нету, пусто и тихо – если не считать какофонии боя у мастера за плечами.

Так не бывает!

Проклятье!

Мастер оскалился. Негоже избегать боя, пока другие бьются насмерть. Упырь, похоже, куда умнее, чем того бы желалось...

Из кустов, тоже встав для верности на колени, мастер быстро и стремительно всадил посеребрённые болты в затылки четверым оставшимся гуунам, по два каждому, для верности.

И всё. Наступила внезапная тишина, только горели чадным пламенем, шипя и потрескивая, подожжённые Бонавентурой кадавры.

Бывалые и опытные, четверо бойцов алхимика далеко не сразу опустили оружие. Сам же мэтр, с явным сожалением ощупывая пустые гнёзда на бандольере, немедля принялся командовать, так, словно драться с гуунами на дорогах было для него совершенно обычным и привычным делом:

– Курт, Кевин! Которые целые жмурики, сюда тащите. Гюйфе! Варанов проверь. Ингвар! К господину мастеру, он тебе скажет, что делать. А, вот и он сам! Ловко ты их, дружище, со спины-то из самострелов! Мы и пикнуть не успели. Вот, Кевина всего содержимым черепушки забрызгало. – И мэтр с облегчением захохотал.

– Да, мастер, эк вы их, – с уважением сказал Ингвар, делая шаг к старому охотнику. – Как нас учили в своё время!

– Тут вампир где-то шарится, парень, – сквозь зубы и вполголоса процедил мастер. – Не понимаешь, что ли?!

Лицо наёмника посерело. Однако злость, боевой азарт, кураж – пересилили.

– Ничего, – хрипло выговорил он. – Вы, мастер, нами управите. А упырь... ну да, верно. Конечно, гууны же без него не ходят...

– За мной держись. Как... как Джейкоб тебя учил. Самострел один лови, получше ваших будет.

Ингвар кивнул. Брови насуплены, губы плотно сжаты, но нет, не трусит бывший ученик давно сгинувшего друга, отнюдь не трусит.

Они двигались уступом, не отходя далеко от дороги; впереди мастер, Ингвар слева и чуть сзади. Если упырь кинется на них первым, со спины, в обличье крылатой твари – не спасёт ничто, настолько он быстр.

Мастер ощущал, как по спине бегут струйки пота, несмотря на холод и ветер осени. Облетевший лес словно вымер: ни звука, ни шевеления.

– Держи ещё. – Охотник сунул наёмнику второй самострел. Полез за пазуху, где в потайном кармашке крылись несколько эликсиров, те самые, что они с учеником использовали, чтобы встать на след улепётывающего вампира – вернее, вампирши, Морриган.

Нет времени для правильной процедуры, но всё-таки, всё-таки...

Ветер подхватил чёрные капли эликсира, понёс, потащил в глубину леса. Мастер опустил на одно колено, зажмурился, зажал руками уши. Рискованно, очень – упырю самый момент ударить! – но что, если...

Мгновения истаивали, а ответа не было.

След вампира не находился.

Конечно, это не настоящий поиск. Но... отозвалась бы даже самая грубая прикидка. Когда они ждали упырей, засев в пещере на Гномьем Пальце, чары и снадобья сработали как должно, предупредив загодя.

– Обратно, – хрипло скомандовал мастер. Волосы всё ещё стояли дыбом. – Возвращаемся. Давай самострелы.

У кареты к тому моменту уже вовсю кипела работа. Мэтр Бонавентура, похоже, хорошо платил своим людям, так что те делали дело без лишних разговоров и не отлынивая. И сейчас Курт с Кевином таскали туши гуунов, кучер Гюйфе, забравшись на козлы со здоровенным арбалетом, крутил головой, озираясь и будучи готов предупредить об атаке.

Мэтр Бонавентура, подобрав полы своего балахона, посверкивал зловещего вида инструментами. Стояли раскрытыми какие-то склянки, наготове виднелся

бочонок с надписью «Spiritus vini». Кевин с Куртом на бочонок косились с видимым сожалением, очевидно, в их мечтах его содержимое следовало употребить совершенно иначе, не для сохранения гуунских голов или иных частей их тел.

– Джованни! Тут никого нет!

– Ну конечно же, нет, дружище, я так понимаю, мы их всех успешно...

– Да нет же, чудак! Вампира нет! И не было, скорее всего!

Мэтр Бонаventura опустил скальпель, которым уже успел нацелиться на шею первого из подтащенных кадавров, и уставился на старого охотника так, словно впервые увидел.

– Чего? Как это «нет»?

– Нет, и всё тут. – Мастер поспешно доставал свои собственные эликсиры. Руки его тряслись. – Хотел бы я знать, чего ты тут вообще расположился, если упыря ожидал? Если б он был?

– Не сомневаюсь, дружище, что ты оказал бы ему достойный отпор, – невозмутимо отозвался алхимик. Лезвие скальпеля вошло в шею мёртвого гууна, раздался странный, омерзительный хруст, словно кто-то давил сапогом множество тараканов разом.

– П-почему? – аж растерялся мастер.

– Потому что вампиру, особенно высшему, – с видом профессора, вещающего с кафедры, объявил Бонаventura, – нет никакой нужды посылать гуунов. Он напал бы сам, тем более если вампир способен создать такую армию, придать им лишних сил – то есть он творил их именно как бойцов, не как слуг – те-то от людей почти не отличаются. Он напал бы сам, дружище. Тем более что... у него были все шансы. В своей крылатой ипостаси ударить по кучеру и его напарнику, когтями взломать крышу и...

– погоди, – мастер совсем ничего не понимал, – уж не хочешь ли ты сказать...

– Хочу сказать, дружище, и почти не сомневаюсь в этом – что никакого вампира тут изначально не было. Надо ж, какие у них хрящи в шее... интересная особенность... занести в анналы... – Алхимик продолжал трудиться над отделением головы гууна от туловища. – Уверен, если ты проведёшь свой ритуал поиска полностью – он ничего не даст. Хм, хм, это у них такая защита сонной артерии? Оригинально!

– Но если это не вампир... если его здесь не было... Откуда тут гууны? Они не ходят поодиночке! Они не охотятся стаями, как оборотни! Они только там, где сотворивший их упырь или тот, кому этот упырь передал их!

– Вот это мы и постараемся выяснить, – мурлыкал Бонаventura. – Кевин, будь любезен – сосуд с aqua regae.

– Да, сударь. – Кевин проворно скрылся в карете.

* * *

Мастер провёл обряд обнаружения вампирьего следа трижды, самым тщательным образом, уходя всё дальше и дальше вглубь зарослей. Осенний лес плохо хранит следы, но всё-таки неуклюжие гууны после себя оставили немало – сломанные ветви, следы на мягком грунте, обрывки тряпья. Довольно скоро охотник натолкнулся на нечто вроде лагеря, с тщательно затоптанным костерком. Именно там он провёл обряд в третий и последний раз – получив, как и при первых двух попытках, «полное отсутствие всякого присутствия».

Ничего. Здесь не было вампиров.

Но гууны откуда-то тут взялись!

Что за чепуха...

Да, один вампир, особенно высший, может передать сотворённого им гууна вампиру младшему, особенно только что обращённому – для защиты и помощи. Но здесь-то не было ни высших, ни низших!

Бред, поистине бред.

Мастер вернулся к карете – ничего больше ему не оставалось делать.

Мэтр Бонаventura успел декапитировать уже всех гуунов, чьи трупы «являли к тому возможность».

– Ну что, дружище? Ничего?

– Ничего, – уныло признался мастер. – Но как такое может быть? Эти чары сбоев никогда не давали. Конечно, всё когда-то да случается в первый раз, но...

– Не клевети ни на мои зелья, ни на свои собственные таланты, друг мой. Всё и было и есть в полном порядке. Просто вампир здесь и в самом деле даже не ночевал.

– А гууны тогда откуда? – в сотый, наверное, раз повторил мастер всё тот же вопрос.

– Вскрытие покажет, – засмеялся алхимик. – Ну а пока – в путь! Темнеет, а до столицы сего достойнейшего маркграфства, града того же имени – Штирбера – ещё немало лиг. Как говорится, дорогу осилит идущий.

* * *

Теперь они ехали, не расставаясь ни с оружием, ни с доспехами. Люди мэтра менялись наверху, всё сильнее завывал холодный ветер, облака начинали сеять лёгким снежком.

Мэтр Бонаventura был счастлив. Как только может быть счастлив истинный учёный, стоящий на пороге настоящего открытия. Смертельная схватка? Риск? Помилуйте, об этом он уже забыл. Он теперь вообще не подходил к любимому дивану и, напротив, не отходил от лабораторного стола – длинной и плоской каменной плиты настоящего гранита, неутомимо работая то пилой и скальпелем, то разливая бесчисленные жидкости по столь же неисчислимым пробиркам.

– Nomen Salvatoris! [1 - Nomen Salvatoris! – Имя Спасителя! (лат.).] – выдохнул он, когда тьма уже совсем сгустилась, а дилижанс, в свою очередь, достиг привратных укреплений «стольного града Штирбера». – Посмотри сюда, дружище, ты только посмотри!

Мастер уныло впери́л взгляд в ряд скляниц. Жидкости в них являли всю совокупность цветов радуги. Ему это, разумеется, ничего не говорило.

– И что? Ты забываешь, Джованни, я в академиях не обучался.

– Прости, – тотчас повину́лся мэтр. – Не хотел тебя обидеть; просто – просто я с таким не сталкивался – и никто не... в литературе нет ничего подобного...

– Джованни!

– И-извини. Я очень взволнован. Это же переворот, честное слово, настоящий пере...

– Джованни!!!

– Хорошо. Хорошо. – Толстяк отошёл наконец от стола, вернее, сделал один шаг к дивану. Волосы взъерошены, глаза горят. – Я вскрыл те округлые предметы, что служили этим несчастным головами. Взял пробы. Гипофиз, гипоталамус... и так далее. Мышечная ткань, стены изменённых сосудов. Измельчил и...

– Джованни, я тебя убью, честное слово, – пообещал мастер.

– Дружище, я... я не думаю, что это настоящие гууны. Точнее, это гууны, но не настоящие. Не совсем гууны. Нет, гууны, но... – Бонаventura подёргал себя за волосы, мучительно скривившись. – Я не вижу следа вампира в их carne, в их плоти.

– То есть как? Гууны сотворяются посредством введения экскретов вампирьих желёз в кровотоки и следовательно...

– Я не вижу вампирьей слюны. Saliva, её воздействие, отсутствует. Её следов нет совершенно. Их никто не кусал.

– Так как же они тогда вообще появились?

– Пока не знаю. Следы ихора несомненные, изменения в костной и мускульной ткани...

– Если ты хочешь сказать, что нападавшие на нас есть корявые уроды, способные порвать варана голыми руками, то я это и так знаю. Видел собственными глазами.

– Да. Да. Так вот, следы ихора есть, а иных признаков введения их посредством укуса – нет.

– Ну и что?

– Не догадываешься? – Бонавентура вперил в охотника горящий взгляд. – Их создали люди, а не вампиры.

– Чушь. Невозможно. Ихор упырей...

– Ихор упырей есть, но упыри их не кусали. В этом я уверен.

Мастер сидел, и слова алхимика постепенно обретали смысл.

– Кто-то... получил ихор вампиров... и сделал гуунов?

– И у этого кого-то мы оказались на пути.

– У кого?

– Есть немало созданий, кто желал бы моего... моей смерти, – гордо объявил Бонавентура. – Завистники. Нобилитет, не дождавшийся наследства. И так далее и тому подобное. Ну и вампиры, конечно же, но их мы в данном случае можем вычеркнуть.

– В таком случае эти завистники или не дождавшиеся наследства баронские сыночки сделали свою работу из рук вон плохо, – заметил мастер. – Вместо того,

чтобы наброситься на нас разом со всех сторон, завалить дорогу брёвнами, зажечь карету и расстрелять из луков или арбалетов всех, кто выскочит, без особых фокусов устроили поури ведает что. Всех гуунов мы положили, сами отделавшись только синяками да порезами. Конечно, с фехтованием у этих бедолаг не очень, но и одна только сила, Джованни, она кое-чего да стоит!

Бонаventura почесал затылок.

– Об этом я пока не думал. Меня поразил сам факт – гууны, сотворённые не-вампирами! Представляешь, моя статья в самом начале выпуска, с особым предисловием и послесловием!

– Ты безнадежен, – хмыкнул мастер.

– Прости. – Алхимик развёл руками. – Мы, учёные, очень тщеславны. Вещи, что не волнуют вас совершенно, для нас – основа основ. Но... ихор вампиров... я могу предположить, как это было. Уже давно ходят, например, слухи о том, что k?nig Fredericks имеет какие-то шашни с упырями. Во всяком случае, моя картотека укушений и выпиваний содержит куда меньше сведений из его владений, чем из королевств Войтека с Ребежцем или из княжества Предслава. И Фредерикс всегда приветал алхимиков, которые, скажем так, не поддерживали нашу борьбу. Кто, как ни маги Капитула, считал вампиров «частью естественного порядка вещей». Это, конечно, улики весьма косвенные, но с них уже можно начать.

– Но как они нас выследили? Или шли за тобой от самого твоего жилища, Джованни? Если уж отбросить вопрос, кто эти «они».

Алхимик вздохнул.

– Иногда пишут, что маленький камушек срывает с горы исполинскую лавину. Я долго был верным другом вам, охотникам. Быть может, это не прошло бесследно. Быть может, мой внезапный отъезд породил у кого-то панику, что я просто исчезну, скроюсь где-то. И этот кто-то отдал своим лакеям приказ действовать.

– На редкость бездарно действовать, должен заметить. За пригоршню серебра в харчевнях Любжева или Бржега можно набрать полсотни головорезов. Вопросов

там не задают, задатки отрабатывают. Для чего такие сложности? Тем более здесь, где тебя знают?

Как раз в этот момент карета миновала подъёмный мост, опускающую решётку, ещё одни ворота, и колёса застучали по неровной брусчатке Штирбера.

* * *

Мэтр Бонаventura любил путешествовать с комфортом. Он не скрывался – смысла нет, такую колымагу, как его карета, запомнит и стар, и млад; и потому выбрал, понятное дело, самую шикарную гостиницу Штирбера «Золотой крест».

После схватки на дороге люди мэтра подобрались, пристрожились. Варанов поставили отдельно от других, сами задав им корма из собственных запасов; носилки с учеником мастера занесли через заднюю дверь, не привлекая лишних взглядов; кучер Гюйфе тщательно обследовал чердак над их комнатами; Курт и Кевин не поленились слазить в подвалы, проигнорировав возмущение хозяина; Ингвар и мастер вышли в общий зал, в трактир, где по вечернему времени собралось не столь уж и малое общество.

Охотник и бывший ученик его погибшего друга молчали. Ингвар не задавал вопросов, ну а мастер тем более. Кто ушёл из их круга – тот ушёл. Его не осудят, но и обратно не примут, за малым исключением.

Таковым исключением предстояло стать магу Вениамину Скорре.

В «Золотом кресте» все сидели, ходили и стояли с оружием. Можно было подумать, что город готовится отражать вражеский штурм.

– Смотри в оба, – напомнил охотник Ингвару, но тот в понуканиях не нуждался.

– Один раз повезло, – проговорил он, окидывая взглядом компанию из полудюжины горцев с крайнего северо-востока в их меховых юбках-килтах. Горцы таскали на плечах длинные двуручные мечи, больше чести ради, ибо драться такими в трактирной тесноте весьма неудобно. – Второй раз может и не выйти.

За дверьми трактирной залы слышались голоса, какая-то возня, потом что-то с треском лопнуло, в узких окнах вспыхнул яркий свет, словно на улице взорвалась карнавальная шутиха.

Мастер взялся за самострел, скосил взгляд на Ингвара – тот уже успел обнажить меч.

Двери распахнулись. Здоровенный вершник в мохнатой медвежьей шапке почтительно придержал створку. Вошла девушка в коротком меховом тулупчике и шароварах, привычных тем, кто живёт в областях Академии магов; пальцы её скрывались в рукавах и мастер готов был поклясться, что прячутся там отнюдь не цветные варежки.

– Цайнопка, – вдруг шепнул ему на ухо Ингвар.

– Цай... что?

– Не слышали? Это в Империи Креста, монастырь такой. В честь святой Цфетани Цайн. Берут туда молодых девиц, бесприданниц, внебрачных, подкидышей. И делают – телохранительниц.

– Много ты знаешь, Ингвар.

Наёмник криво усмехнулся.

– Поносило меня по свету, старшой, покуда к мэтру, благодетелю моему, не прибился.

Вслед за девушкой в залу вплыла молодая женщина в роскошной шубке и шапочке с вуалью, из-под которой выбивались волны дивных каштановых волос. Каблучки её стучали так, что даже самый опустившийся бродяга и самый отчаянный вор из собравшихся сейчас в «Кресте» ощутили непреодолимое желание, во-первых, вскочить и, во-вторых, низко-низко поклониться.

Следом за аристократкой появилась вторая девушка, очень похожая на первую, поименованную Ингваром «цайнопкой». Тот же цепкий, внимательный взгляд, прищуренные глаза, готовность защитить хозяйку.

Вся четвёрка направилась напрямиком к хозяину «Креста», окружённого толпой страждущих – кто пива, кто ночлега, кто ещё чего.

Мастер сощурился. Расфуфыренная аристократочка могла быть только чародейкой. Знатные дамы редко путешествовали по здешним дорогам в одиночестве, особенно в это время года. По осени хватало всяких тварей, вылезавших из логовищ и отправлявшихся на ловитвы ближе к человеческому жилью; счастье ещё, что по сравнению с вампирами их было очень немного.

Конечно, северный тракт со времён Империи был и оставался единственной дорогой в этих местах, и вообще единственным путём на полуночь. Странникам было его не избежать, если, конечно, они не желали плутать по бескрайним чащобам, перемежавшимся топкими болотами.

Молодая дама под вуалью перехватила его взгляд, и мастер поспешно отвернулся. Не хватало ещё устроить тут драку – в дверях показались ещё двое зверообразных громил в таких же высоких медвежьих шапках, что и на спутнике вошедшей Edelfrau[2 - Edelfrau – дворянка, аристократка (нем.)], как сказали бы в этих местах.

Ингвар глядел на новоприбывших с откровенной неприязнью.

– Магичка... ненавижу магичек, – процедил он сквозь зубы.

– Держи свою ненависть где-нибудь подальше спрятанной, – в тон ему прошипел мастер. – Нам только ссоры с чародейкой не доставало.

– Чародейки тожедохнут. – Наёмник сплюнул, растёр сапогом. – Коль им дрот в башку вкатить, такдохнут как миленькие. Это ж я через них угодил...

– Да тихо ты! – Мастер аж пихнул Ингвара локтём в бок. – Потом расскажешь. Вот же везёт нам сегодня – эта фифочка сейчас лучшие комнаты потребует. То есть наши.

Ингвар злобно оскалился.

– Пусть попробует. – И снова сплюнул.

Вершник растолкал всех у стойки, что-то надменно бросил содержателю «Золотого креста». Тот поджал губы и покачал головой.

– Nein... nicht möglich... никак не возможно...

– Какие ещё тут «найн» и «нихт»? – громко возмутился слуга аристократки. – Не видишь, с кем дело имеешь, холоп?!

– Nein, – злобно и громко ответил хозяин. – Никак не возможно. Те комнаты есть занимать другие.

– Так выкинь их, и всё! К тебе, придурок, пожаловала её светлость дю Варгас! Член Капитула, болван!

– Ich verstehe nicht, – издевательски скривился хозяин. – Маркграфство Штирбер – есть страна, где есть закон! Закон – кто первый платит, того есть комнаты! Никак иначе!

Ингвар мягкими полушагами, осторожно и незаметно приблизился к спорящим. Мастер выругался про себя и кинулся за ним.

– Вот этот люди есть платить за комната! – взвизгнул меж тем хозяин, отшатываясь от навалившегося на стойку вершника. – Говорить с ними! Они есть те!

«Чтоб тебя», – злобно подумал мастер. Вскинул секиру и решительно шагнул к спорившим. В грудь ему упёрся тяжёлый взгляд чародейки – под вуалью сверкнули большие глаза.

– Тихо, Ингвар, – прошипел наёмнику мастер, обгоняя его и едва не спихивая с дороги. – Тихо!

– В чём дело, достопочтенные? – громко сказал мастер, вставая рядом с содержателем «Золотого креста», прямо напротив аристократки и её свиты. Обе служанки немедленно воззрились на него самым злобным образом. – Эй, красавицы! Что вы на меня так пялитесь, словно я вам по крысе в штаны запустил?

Плечистый вершник сунулся вперёд, жёсткий взгляд скрестился со взглядом старого охотника.

– Так это ты? Ты в этих комнатах, каковые следует немедля освободить для госпожи?

– Я, – спокойно сказал мастер. – Wer zuerst kommt, malt zuerst[3 - Wer zuerst kommt, malt zuerst – Первым пришёл, первым обслужен (нем.)], не так ли, дорогой хозяин?

– Ja, ja, – поспешно закивал содержатель. – Ja, natürlich! Именно есть так! Господин платить! Первый!

– Сколько тебе надо, бродяга, чтобы ты убрался отсюда и не портил мне вечер? – холодно прозвучало из-под вуальки. – Я сегодня не в настроении спорить. Ну? Сколько?

– Я иметь много прекрасный комната, ничем не есть хуже! – поспешно выпалил хозяин гостиницы, умоляюще глядя на мастера. Мол, чего упрямишься, приятель, возьми деньги у богатой и взбалмошной магички, пока она тут и впрямь не разнесла всё по брёвнышку.

– Досточтимая госпожа, – спокойно и сдержанно ответил мастер. – Весьма сожалею, что покои, на которые вы рассчитывали, оказались заняты. Однако мы проделали дальний путь, отягощены тяжёлым грузом, один из наших людей весьма серьёзно ранен. Мы просили бы вас явить милосердие, столь свойственное магам, отмеченным великой привилегией – творить деяния силой одной лишь мысли...

– Для бродяги ты слишком красноречив, – помолчав, сказала магичка. – погоди, Храбр. Он меня заинтересовал. Секира гномьей работы, со скрытыми рунами. Интересно, очень интересно. Самострелы... угу, с кристаллами Кнехта, как я ощущаю... – Она склонила голову. – Охотник. Охотник на вампиров. Ну и встреча.

– К вашим услугам, милостивая государыня. Ещё раз сожалею о вашем неудобстве. Завтра мы покинем сей город и больше не причиним вам беспокойства.

Чародейка шагнула к нему.

– Погоди, Храбр, я же сказала! Минди, Венди, успокойтесь. Сударь охотник, вы сказали, что один из ваших спутников ранен. Быть может, я смогу оказать помощь? Поверьте, я достаточно искусна во врачевании.

– Благодарю вас, госпожа дю Варгас. Но мы уже справились. Раненому нужен покой.

– Я бы всё-таки не отказывалась так быстро от моих услуг, – в голосе прибавилось льда. – Мне известно достаточно о причиняемых упырями ранах. Зачастую приходится иметь дело не только и не столько с разорванной плотью, сколько с последствиями воздействия вампирьих ядов.

– Благодарю вас вновь, ваша светлость, но у раненого уже есть лечащий врач. Я не могу решать за него.

– Лечащий врач? Как интересно! Так, Храбр, девочки, занесите мои вещи... Куда? – в лучшую комнату из имеющихся, разумеется! Мы остаёмся.

– Ja, ja, meine Dame[4 - Ja, ja, meine Dame – Да, да, моя госпожа (нем.)], – зачастил с великим облегчением хозяин «Креста». – Сюда прошу есть! Сюда нести!

– Так могу ли я поговорить с этим «лечащим врачом», а? – поинтересовалась волшебница. – Если ваш раненый пострадал от вампирьего укуса, ты, как охотник, должен знать, к чему это может привести. От полной трансформации до обращения в гууна или бастарда.

Она разбиралась в предмете, нехотя признался сам себе мастер. За его спиной скрипнул зубами Ингвар.

– Я лично вижу в этом перст судьбы, – продолжала волшебница. – Ехала по Северному тракту и наткнулась на команду охотников!

– Северный тракт – единственная годная дорога в этих краях, милсдарыня, – процедил вдруг Ингвар. – Неудивительно, что мы встретились.

Чародейка не удостоила наёмника даже взглядом.

– Я бы на вашем месте всё-таки передала вашему доктору, что я, Алисанда де Брие ди Бралье дю Варгас, магистр магии и член Капитула великой Конгрегации магов, желаю встречи с ним.

– Dimitte me[5 - Dimitte me – Простите меня (лат.)], – вдруг раздался за спиной мастера голос самого мэтра Бонавентуры. – Кто-то упоминал о желательности встречи с врачом, лечащим раненого? Ну вот он я, medicus attendentes[6 - medicus attendentes – лечащий врач (лат.)], к вашим услугам, милсдарыня дю Варгас.

Огромный, словно морской кашалот, алхимик величественно вплыл необъятной тушей между мастером и Ингваром.

– Я есть medicus attendentes, – повторил он. – Чем могу служить, госпожа?

Тонкие пальцы чародейки в шёлковых перчатках медленно подняли вуаль, и глаза мастера сузились. Проклятая магичка была хороша. Даже слишком.

– Простите, сударь, с кем имею честь?

– Ах, извините, госпожа, где мои манеры! Виноват, виноват. Итак – мэтр Джованни Фиданца Бонавентура, бакалавр натурфилософии, со специализацией в области алхимии. – Он шутовски поклонился, надо сказать, не без изящества, странного в таком тучном теле.

И тут мастер увидел, как глаза чародейки и впрямь «полезли на лоб». Она уставилась на Бонавентуру так, словно узрела розового единорога.

– К-как? Б-бонавентура? Вы – Джованни Бонавентура? Автор работы о *geneticae insigne* у вампиров? В «*Lamia Studies*»? Том и номер с ходу не вспомню, но...

Мастер всегда думал, что выражение «раздуться от гордости» является фигуральным. Сегодня он увидел его, что называется, в натуре. Ибо мэтр Бонавентура именно что раздулся от гордости, выпятив грудь и развернув плечи.

– Et ego feci, – торжественно объявил он. – Это есть я. Собственной персоной, достопочтенная госпожа. Вы делаете мне честь, выказывая знакомство с трудами скромного...

– Скромного?! Ну уж нет! – запротестовала чародейка. – Выявление наследственного линеажа у вампиров – это же совершенно новое, небывалое открытие!

«Проклятье, – подумал мастер, – она же его сейчас...»

В глазах досточтимого мэтра, открывателя наследственного линеажа у вампиров, разумности было не больше, чем у подростка, подглядывающего за купающимися девушками.

Алисанда дю Варгас улыбнулась, умело, отполированно. Коснулась кончиками пальцев мягких каштановых локонов; Ингвар безнадежно присвистнул.

– Я сочла бы за великую честь, если бы столь знаменитый знаток вампиров и вызываемых их укусами поражений позволил мне взглянуть на раненого. Я предлагала свою помощь, предлагаю её вновь. Ваше искусство, мэтр Бонаventura, разумеется, не нуждается в костылях, но я не могу упустить возможности поучиться непосредственно у вас. Мы, чародеи, слишком уж злоупотребляем книжным, оторванным от жизни знанием... и, если вы сможете объяснить мне, в чём я смогла бы быть полезной пострадавшему защитнику нашей расы, я была бы счастлива.

– Гм, госпожа, я, право же, польщён и смущён, но...

– Но вы слышали, мэтр, что маги Конгрегации весьма неохотно помогают тем, кто сражается с упырями? – в упор спросила Алисанда. – Да, сударь мой Джованни, да. Не стану защищать честь мундира. Это так, и это позор нашей корпорации. Старцы Капитула погрязли в дебрях теоретической магии, их мало волнует творящееся у них под окнами. Может, потому что в стенах Академии, которые они не покидают, они чувствуют себя неуязвимыми? – Она с раздражением пожала плечами. – Так или иначе, я вполне понимаю ваши чувства. Больше того, я их полностью разделяю. Я бы на вашем месте тоже избегала магов. Но, прошу вас, – голос её чуть заметно дрогнул, – дайте мне шанс доказать, что не все маги таковы! Не все они – холодные и равнодушные

снобы, наслаждающиеся комфортом и покоем, в то время как мир тонет в скорби и бедствиях!

Мастер аккуратно, но сильно наступил Бонавентуре на ногу. Тот и бровью не повёл.

– Госпожа дю Варгас, ваше имя мне, конечно же, тоже известно, и для меня это тоже большая честь, каковая...

«Всё, – уныло подумал охотник. – Затоковал, ну чисто глухарь по весне. Слышит только самого себя. Думает сейчас исключительно тем, что у него между ног».

– Прошу вас, пройдёте. Это наверх, сюда, сюда...

Ингвар и мастер переглянулись. И, не сговариваясь, шагнули следом.

– А вы, простите, кто такие? – величественно осведомилась Алисанда дю Варгас, когда они все четверо остановились перед дверью. – Кто вы такие и что вам здесь надо?

– Ранен мой ученик, – вполголоса проговорил мастер, делая шаг к чародейке и даже не пытаясь казаться вежливым. – Я отвечаю за него. Мэтр Бонавентура лечит его с моего согласия. Без меня никто к раненому не подойдёт. Я сказал.

Глаза волшебницы сузились.

– Вы дерзки, охотник.

– У нас не принято громоздить кучи пустых слов, милсдарыня. Я буду возле него. И никак иначе.

– Хорошо, – пожала она плечами. – Как угодно. А этот... – она кивнула на Ингвара, совершенно игнорируя наёмника, – он тоже тут должен быть?

– Да, – ни мгновения не поколебался мастер. – Он тоже мой ученик.

Наёмник с шипением втянул воздух сквозь зубы.

– Как угодно, – надменно бросила чародейка.

В продолжение всего этого диалога мэтр Бонавентура только пялился на её светлость – как на неё саму, то есть на её лицо, так и на туго обтянутый платьем весьма выдающийся, хоть и соразмерный, бюст. Он, похоже, вообще ничего не слышал.

В комнате, просторной и недурно обставленной, стоял тяжёлый дух. Раны у юноши закрывались, и всё-таки никто не смог бы сказать, что он уверенно идёт на поправку.

– Изволите ли видеть, добрая госпожа, вот мой пациент. Пострадал от колюще-рвущих укусов в область плеча и шеи, с массивным излитием ихора, повлекшим серьёзное заражение...

Мэтр Бонавентура разливался соловьём, показывая чародейке закрывшиеся раны. Они и впрямь выглядели куда лучше, вот только сам юноша никак не приходил в сознание...

Надо отдать должное Алисанде – она разом отбросила весь флирт и всё кокетство. Спрашивала коротко, чётко, исключительно по делу. Они с Бонавентурой перебрасывались медицинскими терминами, потом чародейка крикнула своих, погнала одну из девушек за «рабочими перчатками», другую за «набором номер три», оказавшимся дюжиной небольших разноцветных кристаллов, ярких, похожих на детские игрушки. Расставила их прямо на плече юноши, и они враз потускнели, словно наполняясь пеплом.

Она была сильна, очень сильна. Наверное, вообще самым сильным магом, когда-либо встреченным мастером. И сейчас хмурилась она явно непритворно, а пару раз в глазах даже промелькнул откровенный испуг.

– Невероятно, мэтр, – наконец выдохнула она, устало падая на заботливо подставленный алхимиком стул. – Вы остановили его трансформу. Не в истинного вампира, нет, но... трудно предсказать даже во что. В... недогууна, в бастарда... ихоры дичайшим образом перепутаны, смешаны, тут сам красный демон ничего не разберёт... Прошу прощения, сударь охотник – не могли бы вы

рассказать мне всю историю? Как это случилось?

Конечно, иметь в союзниках члена Капитула и одарёнейшую чародейку – очень хорошо и полезно. Конечно, она разом и снобка, и зазнайка, и очень высокого о себе мнения – но какое это имеет значение, если она может помочь?

Мастер принялся рассказывать. Осторожно, тем не менее, без излишних деталей. Так, например, он опустил всю историю с магом Корделией Боске, разумно предполагая, что ворон ворону глаз не выклюет, а чародейки меж собой договорятся скорее, чем с ними, с охотниками.

Но упоминание красного демона не забыл.

– Вот в Гномьем Пальце-то, сударыня, она нас и нагнала.

– Она? Вампирша?

– Она. Мы засели в крепком месте, подготовили ей горячую встречу... капканы, ловушки, самострелы – однако она всё равно прорвалась. Зла была очень, зла и голодна. И быстра, очень быстра, быстрее других. Потому так и обернулась. Уже пробили мы её, а всё равно дотянулась. Последним, как говорится, усилием. Но мы её всё равно взяли. Вгрызлась она в моего парня, да и... голову потеряла. Ей бы его оглушить и на меня, а она, госпожа, сами видите – ихор принялась метать. Тут я её и достал.

– Голову срубили, сударь охотник?

– Срубил, госпожа чародейка. Самое верное средство.

Алисанда дю Варгас задумчиво кивнула.

– Что ж, поздравляю, сударь. Одной врагинею рода человеческого стало меньше.

– Истинно так, – согласился охотник. Да и трудно было не согласиться.

– Я вижу, что вас заботит, – волшебница кивнула на неподвижного ученика. – Магия вампиров очень сильна, своеобразна и проникает глубоко. В отсутствие...

э-э... экспериментального материала я вынуждена довольствоваться теоретическими построениями...

Кто ж тебе мешал заменить теорию практикой, едва не вырвалось у мастера. Почему вы все сидели в своей Академии, аки у Спасителя за пазухой, и палец о палец не ударили, когда упыри нас жрали? Когда чародеи и алхимики шарахались от нас, как от чумы? Когда таких, как Вениамин и Джованни, можно было пересчитать по пальцам одной руки, и ещё бы незагнутые остались?!

– Я могу попытаться избавить вашего пациента, Джованни, от резидуальной магии вампира. Никогда этого не делала, честно признаюсь, но попытаться, считаю, нужно. Иначе, боюсь, этот смелый юноша встанет со скорбного ложа не излеченным, а, напротив, – безнадежно искалеченным. И я согласна с вами, дорогой мэтр – мы даже приблизительно не можем определить, в кого он обратится.

– И кстати, – она невинно воззрилась на алхимика, – уж коли я вам помогаю, не поделились ли бы вы со мной сведениями – куда именно вы направляетесь с таким тяжёлым пациентом? Ведь дальше на север, за маркграфством Штирбер, только два баронства, где в замках до сих пор солому на пол мечут.

Бонаventura и мастер переглянулись.

– Э-э, досточтимая госпожа, мы бы предпочли оставить этот предмет без рассмотрения. Мы, охотники, не очень-то любим распространяться о наших делах.

– Тем более с первыми встречными и весьма подозрительными чародейками, – засмеялась её светлость дю Варгас. – Я не обижаюсь, добрые люди. Пусть обижаются дедушки из Капитула. Признаю, признаю, ваше доверие, доверие охотника и помогающего ему алхимика, надо заслужить. Что ж, не буду больше наста...

Она не договорила.

Внизу, в общей трактирной зале что-то загремело, загрохотало, затрещало, словно там ударил стенобитный таран.

Потом закричали люди. Истошно, дико, предсмертным воплем.

Мастер ринулся к дверям первым, Бонавентура – следом, однако в самых дверях его обошла Алисанда, ловкая и быстрая, словно рыбка в бурном потоке.

Из соседней двери вывернулись Курт и Кевин, мечи наголо, и видно было, что наёмники не расставались с кольчугами под одеждой.

Внизу дико выли, орали, и казалось невероятным, что человеческие глотки способны издавать такие звуки.

Мастер одним прыжком перемахнул балюстраду, оказавшись на лестнице; и внизу, прямо под ним, творился ад.

Окна и двери «Золотого креста» были выбиты, и не менее двух десятков уродливых, низких, горбатых существ с круглыми головами в шишках, деловито рубили сейчас в кровавую кашу всех оказывающихся у них на пути.

Те же «не-гууны», что атаковали карету алхимика на подступах к Штирберу.

Люди не сдавались без боя, здесь все умели владеть оружием; мастер увидел, как здоровенный горец в меховом килте отмахивался двуручным чудовищем от наседавших на него троих монстров, разрубил одного напополам, но двое других зашли сбоку, кинувшись на мечника, едва его огромный клинок пронёсся мимо них. Один длинным осадным ножом подрубил горца под колени, другой прыгнул на грудь, визжа, брызгая слюной и орудую двумя короткими и толстыми кинжалами в обеих руках.

Голова горца запрокинулась, он заваливался на спину, а кровь так и хлестала – вправо, влево, вверх, во все стороны.

Его товарищ заорал что-то, выбросил меч на всю длину, снёс тварь с двумя кинжалами, так, что та покатилась, разбрызгивая тёмную кровь и волоча за собой внутренности; третья оттолкнулась, прыгнула прямо в лицо горцу, взмахнула когтями, вгоняя их ему в горло.

Все, у кого было хоть какое-то оружие, отбивались от тварей яростно и упорно. Пол заливала кровь – алая и тёмная, вперемешку валялись тела, в громадном большинстве – человеческие.

Хозяин «Золотого Креста», укрываясь за стойкой, ловко орудовал настоящей алебардой, и двое монстров истекали кровью у него под ногами.

В руках мастера разом оказалось по самострелу; дроты полетели сверкающими серебристыми росчерками. Монстры падали, вокруг угодивших в головы болтов быстро расплывались тёмные пятна, словно плоть гуунов начинала стремительно гнить.

Из какой-то дверцы в дальнем конце вырвались девушки – служанки волшебницы, полушубки скинуты, в каждой руке – по длинному и широкому клинку, на стали горят багровые руны, да такие, что испугаться можно было одного их вида.

На них разом кинулись двое гуунов, оба со здоровенными бердышами, и оба раза девушки дали им нанести удары – в пустоту. Разворот, разворот, нежные на вид пальчики вцепляются в складки одежды гуунов, кинжалы бьют насмерть, пробивая глотки, рассекая шейные позвонки.

– Минди, Венди! Головы резать! – выкрикнула волшебница.

Девушки повиновались. Оба бросившихся на них монстра в один миг оказались на полу, из обрубков шеи фонтанировала кровь.

К служанкам разом прибилося двое или трое ещё сражавшихся мечников, бой вскипел, гууны падали.

– Ах, проклятье! – выдохнул Бонавентура. – Моими снадобьями не постреляешь – тут всё сгорит мигом!

– Минди, Венди! – вновь крикнула Алисанда. – Уходите! Relinquo!

Девушки повиновались, проворно исчезая за той же дверью, из которой и появились.

– Отлично. Дали время, – уронила волшебница, пальцы её стиснули что-то на груди.

Уцелевший люд бросился к лестнице, мастер вторично перемахнул через перила, секира наготове.

Рядом с ним оказался Ингвар, рот перекошен, меч окровавлен.

Болты охотника свалили полдюжины гуунов, однако в этот миг через двери и окна ринулась вторая волна. Визг, вой, чёрное железо дрожит в уродливых лапах; казалось, кто-то специально слепил непредставимых чудищ, словно вышедших из ночного кошмара.

Один из гуунов заметил мастера, вскинул руку, завыл, указывая на него остальным. Резко хлопнул себя по рукаву, скрытая в одежде пружинная манубаллиста выбросила из дула тонкую стрелку; острие со звоном ударило в полотно секиры, разлетелось вдребезги, словно стеклянное. Скрытые под слоем металла руны отозвались недовольным гудением – стрелка несла на себе заряд чужой, злобной магии.

– А ну-ка! – Алисанда дю Варгас лихо вздёрнула юбку, запрыгнула на баллюстраду, удержавшись на ней неведомым образом. Воздух вокруг чародейки взвыл, заискрился, её черты исказились, словно видимые через сильную лупу.

Гууны внизу, однако, быстро сообразили, что к чему – пять или шесть разрядили свои стреломёты в сторону волшебницы, но искрящееся облако вдруг ринулось прямо на них, потоками прозрачного холодного огня.

Что-то очень ярко вспыхнуло прямо на груди чародейки. Две огненные дорожки пробежали вверх, исчезая под волосами.

У мастера закружилась голова – в ход пошла поистине великая магия.

Стрелки гуунов ломало в щепы, разносило на мелкие кусочки прямо в воздухе; искрящаяся стена ударила в ряды нападавших, расшвыривая их в разные стороны, кого-то вздёрнуло в воздух, словно невидимой петлёй, кого-то вдавило

в доски пола, и мастер видел, как гуунов сжимает, плющит, ломает, слышал, как жутко затрещали их кости, как хлынула кровь и стали лопаться черепа схваченных жутким заклинанием.

Гууны выли, нечеловеческие голоса бились под низким потолком трактирной залы; но остались и те, на кого заклятье словно бы и не подействовало. Эти рванулись к лестнице, на ходу добивая и дорезая всех, кто шевелился. Тяжёлые башмаки, подбитые железом, с шипами на носках, врезались в бока, дробили пальцы, обращали лица в кровавое месиво.

– Ни с места! – звонко, бешено выкрикнула чародейка. – Ни с места, иначе...

Стрела пробилась сквозь искрящуюся завесу, ударила в грудь волшебнице и отскочила. По корсажу стало стремительно расплываться пятно гари, в прорехе блеснул металл.

– Моё платье!

Два десятка гуунов напирали. Люди, кто мог, уже бежали; защищавшихся оставалось только шестеро: мастер, Ингвар, Курт, Кевин, сам мэтр Бонавентура и волшебница Алисанда дю Варгас.

Старый охотник расстрелял все серебряные болты. Проклятье, почему этот толстяк Джованни торчит тут, словно приклеенный, всё равно ведь не может помочь!

– Курт, Кевин! Уводите мэтра! И моего парня уносите! Мы их задержим! Верно, Ингвар?

Наёмник, перепачканный своей и чужой кровью, лишь хищно оскалился. Повёл выставленным перед собой мечом-бастардом.

– Верно, учитель.

– Сейчас, – тяжело дыша, бросила волшебница. Присев на корточки, она что-то быстро чертила на ступенях. – Уходите, мэтр. Вы помеха, не помощь. Вы, двое, внизу – задержите их хоть немного! Мне надо...

Она не закончила. Гууны рванулись вперёд всей массой, кто-то из них норовил зацепиться за балясины, пытаясь вскарабкаться на лестницу. Курт перевесился через перила, ударил наискось – тёмная кровь волной выплеснулась из перебитой шеи, гуун с тупым стуком ударился об пол и остался лежать, конвульсивно подёргиваясь.

Однако остальные быстро и ловко подтащили столы и скамьи, полезли вверх, на балкон за спинами Бонавентуры и Алисанды. Наёмники бросились туда, готовясь проткнуть самых притких.

– Уходите! – заорал Кевину и Курту мастер. – Сейчас они перезарядят самострелы! Наконечники отравлены!

Этого он, конечно, знать не мог, но надо ж было как-то спасти этих дураков?

Алхимик, верно, не выдержав, швырнул одну из своих скляниц – как раз в гууна, сосредоточенно совавшего стрелку себе в рукав. Как и на тракте, монстр вспыхнул мгновенно, огонь потёк с него на пол, вцепился в разломанную перевёрнутую лавку, в разметавшиеся юбки убитой подавальщицы...

– Член Спасителей! – завопила Алисанда. – Спалить нас всех решил, толстяк?!

– П-простите... – только и смог ответить Бонавентура. И тотчас метнул ещё одну склянку. – Семь бед – один ответ!

Ещё один гуун, пытавшийся перезарядить ручной самострел, обратился в пылающий факел.

– За мной! – рявкнул мастер.

Гномья секира с шипением рассекла воздух, один из крюков вонзился в толстое древко гизармы, нацеленной прямо в живот старому охотнику. Рывок – не ожидавший этого гуун рухнул вперёд, и Ингвар, словно только и ждал этого, вогнал свой бастард сверху в шею страшилища.

Остальные гууны, как по команде, ринулись вперёд, старательно тыча перед собой пиками, гизармами, совнями, остриями алебард и вообще всем, что было

длиннее секиры старого охотника.

Несколько вцепились в мешавшие им перила, повисли, потянули; гвозди затрещали, перила рухнули вместе с балясинами. Мастер едва успел отбить нацеленное ему в бок острие; Ингвар яростно рубанул по древку, однако оно выдержало, окованное железными полосами.

– Скорее!

– Сейчас!... Ещё! Чуть-чуть!

– Торопись, чародейка! – рявкнул Ингвар, отбивая ещё один выпад.

Мастер принял рукоятью секиры молодецкий замах алебарды, отвёл в сторону, рубанул, оказавшись в опасной близости от врагов, но всё-таки достал излишне ретивого алебардиста.

Сразу трое гуунов полезли вверх, Курт сбросил одного, но в Кевина угодила стрела, ужалила в плечо, и наёмник вдруг опрокинулся, завопив так, словно с него живым сдирали кожу.

Гууны ловко запрыгивали на столы, на скамьи и на плечи друг другу. Курт крутил мечом лихую мельницу, отбивая нацеленные в него удары; к Кевину бросился сам мэтр Бонавентура, подхватил под мышки, потащил прочь. В косяк рядом с плечом алхимика вонзилась стрелка, тот и головы не повернул.

Нападающие больше не лезли под удары секиры мастера и длинного полутораручного клинка Ингвара. Вместо этого – теснили, тыкали остриями, несколько из них насадили на копья пылающую тушу мёртвого собрата, раскачали, швырнули через головы атакующих прямо в волшебницу.

– Есть! – голос Алисанды звенел торжеством.

Горящий труп гууна словно натолкнулся в воздухе на невидимую стену, соскользнул по ней вниз, рассыпаясь угольями и головешками. С того места, где застыла магичка, заструился яркий, режущий свет, заставляя гуунов прикрывать глаза и жмуриться.

Мастер успел ощутить словно бы невидимую пружину, сжатую до последнего предела. Миг спустя она распрямилась, гуунов расшвыряло по всему трактиру, перед охотником и наёмником оказалось пустое пространство; и ещё через миг попытавшиеся было подняться монстры начали взрываться.

Самым натуральным образом взрываться изнутри. Их грудные клетки лопались, словно от чудовищного напора, потоки чёрной крови взлетали до потолка, смешанные с лохмотьями внутренностей и обломками костей. Один, самый проворный, успевший вскочить, лопнул прямо над пятном расползающегося огня, тёмная кровь залила пламя.

И только один-единственный гуун, кого по странной прихоти магии пощадило истребительное заклятье, сумел сбежать. Швырнув на пол свою гизарму, он рыбкой бросился в окно, головой вперёд, даже не подумав о том, чтобы добраться до дверей.

Курт метнул ему вслед нож, попал в плечо, но гууна это не остановило.

После боя им ещё пришлось тушить пожар; правда, вновь помогла её светлость Алисанда; творила тёмные купола над огнём, что сдавливали его, словно плотное одеяло, каким можно задушить не успевшее как следует запылеть пламя.

Когда всё наконец кончилось, бывшая лучшая гостиница града Штирбер являла собой картину ужасающего разгрома и жуткой бойни. Всюду кровь, изрубленные, обезображенные тела людей вперемешку со вскрытыми, лопнувшими изнутри тушами гуунов.

Мастер стоял, не опуская секиры. Спаситель, коль Ты и впрямь есть, как Ты такое допускаешь? За что погибли эти несчастные, которым просто не повезло оказаться здесь в то же время, что и нам? Кто на нас напал, зачем и почему?

Наверху в последний раз вдруг дико заорал Кевин, и крик его внезапно оборвался.

Чародейка выругалась.

– Не удержали...

Из дальней двери осторожно высунулись её служанки.

– Всё, всё, здесь уже всё, – громко бросила волшебница. – Минди, Венди, быстро, осмотрите, может, кто-то ещё жив? Ищите раненых!

Обе девушки кивнули, разбежались в разные стороны, нагибаясь к неподвижным телам, во множестве застывшим на полу трактира.

– Всё, сударь мой охотник. – Алисанда взглянула в глаза мастеру. – Мы отбились. Но, проклятье, забодай меня кабан, если я хоть что-то понимаю! Гууны, это ясно; а где вампир?

– Мы задавали себе тот же вопрос, госпожа, – негромко проговорил мэтр Бонаventura, появляясь из дверного проёма. – Кевин... не дожил. Какой-то очень сильный яд и вдобавок магия... – Алхимик низко опустил голову, пальцы его бессмысленно мяти складки измазанного кровью балахона.

– Скорблю, – коротко уронила магичка, склоняя голову. – Он храбро бился.

– Надо... – кашлянул алхимик, – надо оповестить здешние власти...

– Гюйфе, – вдруг сказал Ингвар. – Гюйфе-то где? Как к варанам пошёл, так и не появлялся!

– Вот вы с Куртом и отыщите!

– Мне кажется, – проницательно глядя на алхимика, заявила чародейка, – нам с вами нужно о многом друг другу рассказать.

* * *

Всю ночь подоспевшие кнехты маркграфа Штирбера и монахи местного монастыря святого пророка Михася, которого здесь называли Михаэлем, разбирали убитых и раненых, складывая тела погибших горожан и проезжих

гостей в небольшой церквушке неподалёку от «Золотого креста». Пожаловал сам b?rgermeister с толстой золотой цепью на обильном пузе, пожаловал majordomus из графского дворца. Хозяин гостиницы, уцелевший во всем этом бедламе, только трясся и ничего не мог толком рассказать.

Курт и Ингвар вернулись. Они нашли бедолагу кучера – лежал с распоротым животом у ворот конюшни. Жизнь свою он продал дорого, рядом с ним валялись три гууна со снесёнными головами и четвёртый – грудь насквозь пробита мечом самого Гюйфе.

– Похоронить надо... – мрачно сказал Курт, обнажая голову.

Алисанда дю Варгас тоже не спала до утра. Минди и Венди собрали почти два десятка тяжелораненых, и чародейка пустила в ход всё своё искусство. Спасти удалось не всех, но большинство, по уверениям волшебницы, «будут жить».

Мэтр Бонавентура опять, где мог, с самым вороватым видом собирал головы гуунов. Мастер с прилепившимся к нему Ингваром старались просто помогать.

К утру все от усталости валялись с ног.

Мастер забылся тяжёлым сном рядом с постелью неподвижного ученика. Юноша так и оставался лежать, ничего не видя и не слыша, ничего не зная о яростной битве, унёсшей столько жизней.

* * *

– Мэтр! Мэтр Бонавентура! Давайте наконец поговорим начистоту.

Был полдень. Только что окончилась зауспокойная служба, тела Кевина и Гюйфе опустили в церковную землю; кто знает, каким богам – или же Спасителю – они поклонялись, но Бонавентура заявил, что «хуже не будет».

«Золотой крест» приводили в порядок. Хозяин уже деловито раздавал указания рабочим, а Алисанда дю Варгас потребовала обед себе в комнату.

Сидели втроём: Алисанда, мастер и мэтр Бонавентура. Чародейка была бледна, под глазами синели глубокие тени, которые не смогли скрыть никакие кремы и притирания.

– Куда вы ехали? К кому? У вас тяжелораненый паренёк, со сложнейшим магическим поражением, потенциально очень опасным. Куда вы его волокли? К северу от этих мест есть только один чародей, кто мог бы вам помочь, однако он – очень, очень далеко. Десять дней пути, самое меньшее. А тут, в маркграфствах, баронствах и княжествах сидят такие, с позволения сказать, волшебники, – она скорчила презрительную гримаску, – что я бы им даже свиней пасти не доверила.

Алисанда воззрилась на молчащих Бонавентуру и мастера.

– И я готова прозакладывать мою собственную девичью честь, что вы направлялись к магистру Скорре.

Алхимик издал какое-то неразборчивое восклицание.

– Не оскорбляйте меня враньём, почтенный мэтр. Я... имею честь быть хорошо знакомой с упомянутым магистром. Мне известно, что он ходил с вами, с охотниками на вампиров. Мне также известно, что он по-прежнему... вовлечён в эти дела. Ну, хорошо я рассуждаю? Скажу больше, несмотря на всю безумность замысла, больше вам ничего не оставалось делать. Даже я, член Капитула, не могу вам тут помочь.

Мастер и мэтр Бонавентура переглянулись.

– Досточтимая госпожа, – наконец проговорил Фиданца, складывая на груди руки, огромные, словно лапы морских чудовищ, – мы не хотели бы никаких... недоразумений с Капитулом. Вы вскоре покинете нас, отправившись по своим делам, вне всякого сомнения важным и тайным, какие только и достойно иметь входящей в собрание сильнейших чародеев нашего мира...

– Оставьте лесть, мэтр Бонавентура. Меньше всего мне хотелось бы сейчас заниматься... политикой. Мы дрались с вами плечом к плечу. Хватит ломать комедию. Она вас недостойна.

Мастер смотрел на чародейку. В скромном, более чем скромном платье, никаких украшений, никакой косметики. Волосы убраны под простой платок. Но на груди – тонкая цепочка потемневшего серебра, с пробитой монеткой в качестве кулона; охотник хорошо помнил, что сделал так же точно надетый на шею волшебницы амулет во вчерашнем бою, избавив её от необходимости плести сложное заклинание.

– Хорошо, госпожа, – медленно сказал он. – Мы действительно искали встречи с магистром Скорре. Мы с ним старые друзья. Дрались вместе с упырями.

Вспышка в глазах её светлости дю Варгас была слишком быстра, чтобы её заметил кто-либо, кроме старого охотника. Чем-то эти сведения зацепили её, зацепили очень сильно.

– Удивительные шутки играет с нами судьба, – проговорила чародейка, и что-то в тоне её голоса заставило насторожиться даже мэтра Бонавентуру, успевшего, похоже, позабыть о пережитом кошмаре и вновь вспомнить о женских прелестях волшебницы. – Я... я только что повидала магистра Скорре. Я... должна была обсудить с ним важные вопросы практической магии. И вот... мы встречаемся с вами...

– Мы уже говорили вашей светлости, этот тракт – единственная дорога, ведущая к северной оконечности континента, – напомнил мастер. – Нет ничего удивительного, что мы встретились тут.

– Нет, охотник, – со странным выражением покачала головой чародейка. – Судьба... это много больше, чем «единственная дорога».

– Поистине удивительно, сударыня, встретить в вас, столь образованной и утончённой, веру в так называемую «судьбу», якобы управляющую участью людей, в то время как...

Алисанда молча воззрилась на алхимика, и тот мгновенно осёкся.

– Вот, собственно, и всё, что мы можем вам рассказать, госпожа. Мы направляемся к магистру Скорре, чтобы излечить моего ученика. Ничего необычного. Потом мы с ним вернёмся обратно – упыри, знаете ли, ждать не любят. А магистр Скорре останется там, где он пребывает и посейчас, так же

тщательно выполнять повеления высокочтимого Капитула, как, я уверен, он выполняет их в настоящий момент.

Волшебница опустила глаза.

– Вы искусный дипломат, сударь мой охотник. Что ж... вы и впрямь ответили на мой вопрос. Давайте теперь поговорим об этих гуунах. Я... была удивлена. Во-первых, их количеством; и, во-вторых, отсутствием вампира или вампиров, их сотворивших и ими командующих. Если бы они напали... едва ли мы бы их удержали.

Что-то в её голосе, жестах, повороте головы не давало мастеру покоя. Что-то было не так. Она не лгала, нет... она что-то скрывала, и вроде бы это «что-то» не имело прямого отношения к случившемуся... но почему?

– Видите ли, госпожа...

Мастер что было силы пнул алхимика под столом.

– Видите ли, госпожа... вампиры достигли больших успехов в творении разнообразных гуунов, весьма сильно отличающихся друг от друга...

«Молодец, толстяк», – подумал мастер.

– Да, – кивнула магичка. – Подобных этим я ещё никогда не видела – конечно, не могу сказать, что видела особенно много гуунов своими глазами, – тотчас поправилась она. – Всё больше книжки, рисунки, библиотеки...

– Быть может, – вдохновенно продолжал алхимик, – вампирам удалось вывести такую породу, что может действовать самостоятельно?

– Быть может, – волшебница побарабанила пальцами по столу. – Но почему они отступили? Гууны не выполнили задания. Самое время вмешаться их хозяевам.

Алхимик развёл руками.

– Кто же поймёт резоны вампиров, госпожа?

– Да, – с неопределённым выражением и глядя куда-то в стену, протянула Алисанда. – Воистину. Кто же поймёт?

Молчание.

– Что ж, госпожа. Мы, в меру слабых своих сил, поможем раненым и увечным в сём граде и двинемся дальше. – Алхимик вздохнул. – Двое верных моих людей останутся здесь навсегда. Но... дело должно быть сделано. Обойдёмся меньшим числом.

– Дорога дальше труднее и опаснее. – Алисанда словно размышляла о чём-то ещё. – Зима в этом году ранняя, север уже почти весь под снегом. Мне пришлось ставить карету на полозья, только так и проехали. Но всё равно, медленно тащились, очень медленно. Верхами-то да налегке куда быстрее бы вышло. Ну и всякие другие создания как с цепи сорвались. Два оборотня-ликантропа, два цепняка, потом кикимора... в общем, позабавились.

– Но ведь, госпожа, ваш рассказ означает, что все эти создания, как вы выразились, больше никого не беспокоят?

– Милсдарь Бонавентура, вы неисправимый льстец и дамский угодник. – Алисанда не улыбнулась. – Нет, мы уложили не всех. Одного оборотня и одного цепняка. Кикимора оказалась самой умной и сбежала тотчас, едва поняв, с кем имеет дело. Так что они там все так и бродят, голодные и злые. Мы, к сожалению, не могли задерживаться. В городках по тракту мы старались поднять тревогу. Но... местные... там, если ликантроп кого-то задерёт, к этому относятся сугубо философски.

– Что поделать, нам всё равно надо ехать, – твёрдо сказал мастер. – Если, ваша светлость, мы ничем более не можем вам помочь...

– Да, конечно, – бросила Алисанда, вставая. – Вам надо готовиться в путь. Мне тоже. Счастлива была познакомиться, сударь охотник, так и не назвавший мне своего имени. Счастлива была увидеть и вас, знаменитый мэтр Бонавентура. Вы всегда будете желанным гостем в моём доме при Академии или в семейном замке рода дю Варгас. Прощайте.

Каблучки процокали по доскам. Остался лёгкий аромат духов, и мастер вдруг подумал, как это, наверное, здорово – когда женщина наряжается, чтобы доставить тебе радость и радуется этому сама.

Завтра они двинутся дальше. Потрясённые и понеся потери. С неведомым врагом на плечах. Врагом, который не останавливается ни перед чем и которому почему-то очень надо видеть их мёртвыми.

Кто-то следит за ним, старым охотником? Кто-то следит за мэтром Бонавентурой? Или это их встреча заставила вращаться незримые шестерни судьбы?

Кто-то творит гуунов без участия упырей. Но этот кто-то имеет доступ к ихору вампиров. Как такое вообще возможно?!

Он невольно подумал, как всё было просто ещё совсем недавно. Есть мы и есть вампиры. Ну, или в крайнем случае стражники, рейтары или кнехты королей Припроливья, почему-то взъевшихся на них, охотников.

Может, лучше было побежать за чародейкой, упросить госпожу дю Варгас выслушать их?

Похоже, им с мэтром Бонавентурой в головы пришла одна и та же мысль. Мастер и алхимик поглядели друг другу в глаза и столь же дружно покачали головами.

Они справятся сами.

Глава 2

«Оружие возьми у мёртвых»

Магистр магии, досточтимый чародей Вениамин Скорре стоял посреди низкого округлого помещения – самого глубокого из «настоящих» подземных уровней своей башни. Нет, сама она уходила ещё глубже – ниже были подвалы, а под ними – нечто вроде катакомб. Башню эту в давние времена возвели монахи

забытого ныне ордена петерианцев, боевых слуг Спасителя, когда устраивали тут самый северный свой опорный пункт. Трудно сказать, чего они искали в этих диких и не слишком гостеприимных краях, однако братия тут жила, а зачастую оставалась здесь и навсегда, после кончины. Ещё где-то поблизости должны были быть руины их церквушки, но от неё не сохранилось даже фундамента.

Орден пришёл в упадок и, как утверждалось, распался, башня какое-то время стояла покинутой, потом в окрестностях стали ошиваться адепты Хаоса, и Конгрегация магов решила, что негоже оставлять эти места совсем уж без присмотра. Башню отремонтировали, подновили, в процессе установив, что возведена она на скрещении семи лей-линий, дававших высокий выход магических энергий, и с тех пор Совет Конгрегации (а потом сменивший его Капитул) обычно держал там дозорного чародея.

Правда, ссылку на север достойные магистры магии понимали как тяжкую кару, пытаясь отвертеться от сего «почётного долга» всеми способами. Вместо магистров стали посылать бакалавров, в том числе и новоиспечённых, сразу после защиты диплома.

Сия практика, однако, тоже не довела до добра, ибо отправленный сюда уважаемый (даже ещё не досточтимый) бакалавр Зебер фон Зебердорф, будучи юных лет и изрядного темперамента, на почве отсутствия женского пола и присутствия достойных осуждения предрассудков, не позволявших ему обратить внимание на половинчиков, впал в прельщение, и каким-то образом добыл себе самую натуральную суккубку, существо демоническое и крайне редкое; существовать она могла только и исключительно на скрещении лей-линий.

Невольно Вениамин вспомнил слова Алисанды про «зачаруй себе суккуба». Вот на что она, похоже, намекала! А он тогда даже и не сообразил...

Нужно ли говорить, что закончилась история весьма скверно? Бедняга фон Зебердорф совершенно потерял голову, забросил даже те несложные обязанности, что возложил на него Капитул, предавшись только и исключительно «радостям плоти». Суккубка же, «будучи весьма расположена к потерпевшему», как гласили пергаменты официальной комиссии Капитула, созданной для расследования инцидента, требовала всё больше и больше соответствующих эмоций и действий, быстро приведших беднягу бакалавра, несмотря на молодость и отменное здоровье, «на грань физического и умственного истощения», как заключила та же комиссия.

В эти далёкие годы между дозорной башней, официально именовавшейся магонаблюдательным пунктом номер 133 «Чайкина гора», и Капитулом ещё существовала связь посредством голубиной почты, пока не исчезли, придя в полный упадок, вольные города и городки вдоль Северного тракта; и, не получая донесений в течение полугода, Капитул встревожился. После безуспешных попыток связаться с бакалавром Зебердорфом, к башне была отправлена настоящая экспедиция, каковая, прибыв на место, обнаружила в наличии а) саму башню; б) толпу взволнованных половинчиков, вооружённых кто чем; в) настезь, в противоречии со всеми наставлениями по «безопасному практикованию магии», распахнутые двери укрепления; г) суккубку, в весьма раздражённом и «опасном для окружающих состоянии»; и, наконец – д) самого бакалавра, «лишённым чувств, достигшим крайнего измождения, и в состоянии полного безумия».

Бедолагу фон Зебердорфа со всеми предосторожностями отправили в Академию, и он даже остался жив, утратив, однако, всякие способности к хоть сколько-нибудь сложной магии; а потому, выхлопотав от Капитула пожизненную пенсию, как «пострадавший от *maladies magicae* при исполнении служебных обязанностей», до конца дней своих сделался неустоимым борцом за самый суровый целибат.

Подземные ходы вели через катакомбы далеко на север и на восток, но своды там частично пообваливались, пробраться смог бы разве что кот Вениамина, а у самого мага заняться ремонтом руки так и не дошли. Ограничился тем, что проследил эти тоннели на всём их протяжении да обозначил на картах потайные двери выходов.

Алисанда отбыла. Нет, о ней он думать не будет, сказал себе маг. Не будет гадать, кто она для него, что она для него, действительно ли она его любит или всё это были пустые слова.

Она уехала, оставив аромат духов и – на постели, где она спала – нечто легчайшее, невесомое, воздушное из одних лишь кружавчиков; Вениамин шарахнулся, едва завидев это, покраснел до ушей, словно мальчишка, и быстрее ветра вылетел прочь из гостевых комнат.

Все приготовления закончены. Оставить войну с упырями? Бросить безнадёжное занятие? «Вампиры плодятся быстрее, чем вы с охотниками убиваете их»? Значит, нужно ещё больше усилий. Значит, надо совершенствовать имеющиеся заклятья, улучшать процесс, сделать так, чтобы история мага Стефана Анноке, оказавшегося вообще беспомощным перед атакующим упырём, больше не повторилась – никогда и ни с кем. Ведь мы, проклятые, – маги! Нам подчиняются убийственные силы, в старину бывали чародеи, выходившие в одиночку против целого войска и обращавшие тысячи людей в груды обугленных и изломанных костей (что в конечном итоге и привело к созданию Конгрегации и соглашению, что волшебники не будут принимать участие в больших войнах, а, напротив, будут всячески способствовать всеобщему миру). А теперь мы дрожим, сталкиваясь с какими-то там кровососами! С паразитами, не способными даже воспроизводить себя без нас, людей!

Нет, стой, остановись. Тебе предстоит сложное дело, голове надлежит оставаться холодной.

Потайная лаборатория Вениамина мало чем напоминала другую, этажом выше, с рунной мельницей. Рабочий стол посередине, отполированная каменная плита со вделанными в неё петлями. Здоровенные бутылки вдоль стен, перевёрнутые, от них тянутся стеклянные трубки к колбам, установленным в нагревательных гнёздах – выглядит больше как алхимическая *sanctum sanctorum* [7 - Святая святых (лат).], нежели как кабинет Большого Аркана у чародеев.

Наверху концентрические круги рун установлены в строгом порядке. Расположены по местам кинетические кристаллы-толкатели. Всё готово. Можно начинать.

Сам Вениамин облачился в рабочую накидку из особым образом выделанной кожи выверн, закрывавшую его с головы до пят. На руках – перчатки, лицо защищено маской и очками гномьей работы, волосы убраны под плотно затянутый капюшон. Он сейчас напоминал не чародея, а, скорее уж, чумного доктора, как они выглядели, пока маги не занялись вплотную этим бедствием.

Правда, с другими эпидемиями справиться пока не удалось...

Чародей подошёл к стене, быстро провёл рукой над камнями. Плиты с глухим шипением раздвинулись, из дыры повеяло ледяным холодом.

Ещё движение – и из морозильника выплыли ничем не поддерживаемые носилки, на которых лежало мёртвое тело.

Это был невысокий. Крепкий и сильный по их меркам; несчастный случай – рубил дерево, ошибся, оступился и угодил под рухнувший ствол. Вениамин уже ничего не смог сделать.

Он, как сумел, постарался помочь безутешным родственникам. Погибший был славным малым – как и почти все в опекаемой магом деревне; и Вениамин сделал так, что в домовине бедняга лежал «ну точно как живой!».

И потом, ночью, вдвоём с Делией они извлекали тщательно закупоренный гроб из могилы; Вениамину приходилось очень, очень стараться, чтобы надгробие выглядело так же, как и раньше, во избежание у жителей Грибной Кручи даже и тени сомнений.

Он чувствовал себя в эти мгновения последним мерзавцем, но, с другой стороны, душа несчастного уже отлетела, её ждало посмертие, над которым чародей совершенно не был властен; тело же... зачем отдавать его червям и гнили, если оно может послужить правому делу?

– Прости, друг, – не удержавшись, прошептал маг. – Но ты бы меня понял.

Быстрым движением накиннул мёртвому пропитанную эликсиром повязку на глаза и взял в руки скальпель.

Сколько ушло на это усилий и времени. Гомункулусы? Автоматоны, как говорила Алисанда? Маг горько усмехнулся. Если бы. Если б он и впрямь мог выращивать в колбе искусственных существ, готовых для боя! Она смеялась надо мной, такое не под силу и самым искусным чародеям Капитула.

Нет, нельзя сказать, что он не работал над этим. Работал. И над гомункулусами, и над автоматоны, железными созданиями, приводимыми в действие теми же кинетическими кристаллами, самым простым и известным вариантом которых являются кристаллы Кнехта, используемые, например, в самозарядном оружии.

Однако любое такое творение его магии обнаружить было бы легче лёгкого. Оно бы несло его почерк, его неустрашимую сигнатуру – вот почему на все утверждения Алисанды, что Капитул-де знает достаточно, чтобы приписать именно ему «умерщвления вампиров», как элегантно выразилась её светлость дю Варгас, он отвечал молчанием.

Он не верил. Если Алисанда завела шашни с вампирами от имени и по поручению Капитула, то сюда бы пожаловала не она одна. А если дорогая Санди устроила все эти «мирные начинания» по собственной воле, то ещё неизвестно, что сказали бы по этому поводу почтенные дедушки, заседающие в Круглом зале.

Так или иначе, он молчал. И не считал себя связанным никакими словами. Война с упырями – это не его прихоть, не его фантазия, не его выдумка. Каждый день, каждую ночь эти твари выходят на ловитву – и убивают. А охотников слишком мало, чтобы дать настоящий отпор.

Вампиры прекрасно защищены от обычной, повседневной магии. Смотри печальную участь того же Анноке. Огнешары или там молнии, ледяные иглы или летящие валуны – от этого кровососов обороняет сама их природа. Отчего и почему – Вениамин очень хотел бы получить ответы, но времени на это у него не оставалось. Теоретические его изыскания продвигались тут весьма неспешно.

Нужно было нечто ещё более злобное, ещё более страшное, ещё более разрушительное. Там, где не справляется свет, в дело пойдёт тьма.

Руки чародея быстрыми и точными движениями наносили разрезы. В жилы вводились катетеры, вспыхнул огонь в разогревающих растворы печках.

Наверху ожил первый из кинетических кристаллов, вспыхнул на мгновение, передвинув концентрические рунные круги на строго определённый угол. По извивам начертанных символов побежали золотистые вспышки, в подземелье слышалось низкое, басовитое гудение.

Пробудился и глухо ухнул насос под каменной столешницей, проталкивая по жилам смешанную с эликсирами кровь. Вениамин быстро расставлял на лбу, груди, плечах, животе и бёдрах препарированного трупа мерцающие столбики кристаллов своей собственной работы – обожжённых в его муфельной печи.

Руны наверху сжимали до упора поток силы от лей-линий, направляя его в строго определённой последовательности то на голову покойного, то на область сердца; магия впитывалась в мышцы и костный мозг, преображая и трансформируя ткани со скелетом.

Разрезы и распилы сделаны. С потолка, через скрытый в толще перекрытий канал-концентратор, от чёрного монолита в центре рунной мельницы, хлынул поток силы, настолько мощный, что воздух вокруг засветился лиловым; Вениамин протянул руки, окунул их в это сияние. Пальцы затанцевали, словно исполняя сложную гамму, и в такт этим движениям мёртвое тело на столе задвигалось, задёргалось судорожно, из горла вырвался жуткий хрип, смешанный с бульканьем.

Начинали плавиться кости, стремительно росли, разбухая, мышцы. С головы опадали курчавые волосы, и сама голова словно вдвигалась в плечи. Что-то с хрустом рвалось, а что-то, напротив, с мокрым хлюпаньем срасталось. Всё вместе это походило на работу мнущего глину гончара; вот только вместо глины тут была ещё совсем недавно совершенно мёртвая плоть.

Всё менялось, обретая иные очертания. Сила лей-линий вливалась, запасаясь в костях, в печени, в том, что раньше было жирком. Сквозь мускулы прорастали нити лей-кристаллов, крошечных, не видимых глазом, придававшие некроконструкту способности, превосходящие таковые у упырей. Глаза с новыми хрусталиками и сетчаткой могли теперь видеть в полной темноте, различать едва уловимый след вампира. Желудочно-кишечный тракт, как у ездовых варанов, легко переварил бы любую пищу, от коры, листьев и хвои до падали. Кожные покровы заменялись гибкой чешуёй, какую не прокусит вампирий клык и с трудом пробьёт даже тяжёлая арбалетная стрела, насквозь пронзающая рыцаря в полном вооружении с двух сотен шагов. Когти, напоенные серебром, способные к стремительной трансформации и перестройке, готовые в секунду обратиться разящими клинками.

Идеальное оружие убийства, безжалостное и неумолимое, знающее одну лишь только цель. Оно не отвлечётся на иных двуногих, не поразит невинных. Неумолимое, оно станет преследовать вампира днём и ночью, настигнет, улучит момент и нанесёт неотразимый удар.

Вениамина не терзало раскаяние. Пока «переговоры» Алисанды будут длиться, упыри сожрут, высосут, погубят и обратят невесть сколько ни в чём не повинных людей. Переговоры хорошо вести, когда противник готов сдаться тебе на милость, а не когда он повсюду и выбирает добычу, словно покупатель в мясном ряду.

Скорре не отступит. Пусть его проклянёт Капитул, пусть объявит его преступником, если узнает, пусть вынесет смертный приговор; пусть отвернутся все – он видел, что такое вампиры, он знает, что они зло.

Лиловое пламя вливалось в растягиваемую, разрывающую и вновь сшиваемую плоть. Насос гнал по жилам разогревающуюся кровь; сердце менялось, их становилось два, лёгкие увеличивались в объёме. Перерождались почки, печень, поджелудочная железа.

Сколько же труда потребовало всё это, сколько расчётов, сколько экспериментов, сколько опытов! Сколько неудачных попыток – с теми же големами, существами из глины, в которых Вениамин пытался вкладывать бычьи, медвежьи или кабаньи сердца. Сколько неудач, пока среди пыльных томов, найденных в своё время с Алисандой в забытых кабинетах Академии, не попало «Ad Practicam Necromantiae», запрещённое, изъятое из университетов анонимное издание. В заколоченной аудитории кто-то засунул компактную, всего лишь in duodecimo[8 - Формат книги в одну двенадцатую долю листа.], книжку меж двумя монстрами in regia folio, «королевских фолиантов», сомкнувших края.

Эту книжку он тогда Алисанде не показал. Может, потому что чародейка уже в то время казалась слишком властной, слишком любила распоряжаться, слишком быстро решала, что хорошо, что плохо и совершенно не выносила возражений?

Разумеется, нужные книги нашлись. Разве бывает иначе, если хорошо искать, тщательно выбирать, с кем имеешь дело, платить щедро, но не настолько, чтобы тебя сочли глупцом, обмануть которого – самое милое дело. Вениамин не стал тратить время на мелкие городки Припроливья, сразу отправившись в Империю Креста. Братья-рыцари чинили у себя во владениях строгий надзор, но, как обычно, когда пытаешься уследить за всем и вся, пропускаешь куда больше.

Оттуда Вениамин вернулся с дюжиной тщательно упакованных в вощёную кожу томов, уцелевших при разгроме гнезда некромантов где-то на дальнем юге и неведомыми путями попавших на север. Остального он искать не стал – для его целей этого хватало. Конечно, поднять орду мёртвых воителей против упырей было весьма заманчиво, но поиски нужных трудов отцов-основателей запретного искусства заняли бы слишком долгое время.

Вениамин заканчивал творить – кого? Гомункулуса? Зомби? Мертвяка? Неважно. Сам он называл их эрадикаторами. И были они всем хороши, кроме лишь одного – их нельзя было сотворить, выпустить в мир и забыть об их существовании. Да, они отыщут цель, настигнут и уничтожат, но надолго их не хватит.

И много их не сделаешь тоже. И не из-за нехватки свежих, только и подходящих для трансформации трупов; но также из-за опасного предела, который нельзя переходить некромагу. Иначе последствия будут как бы не злее, чем само вампирье проклятие.

Самые первые некроконструкты могли уложить одного упыря, после чего распадались, и Вениамину пришлось ещё и ставить там чары воспламенения, чтобы уж точно никто не отыскал никаких следов.

Потом их стало хватать на двух упырей, на трёх... Но всё равно, вернуться они не могли; Вениамину оставалось лишь творить всё новых и новых – не переходя определённого порога, разумеется. Правда, каждый последующий конструкт получался лучше и сильнее предыдущего.

Ещё немного, ещё чуть-чуть... по вискам стекает пот, но нельзя терять концентрацию. Сжатый до толщины волоса поток силы выжигает незримые руны в глубине плоти, которой теперь предстоит защищать других, ничего не требуя взамен.

Последнее погружение, самое глубокое. На миг сделаться создаваемым эрадикатором, впечатать в него образ врага, накрепко, навсегда, до самого конца.

Вениамин снял с того места, где были глаза покойного, пропитанную эликсиром повязку. Положил ладони на виски, сжал, усилием воли выбрасывая из головы

все и всяческие мысли, кроме лишь одной – вампиры должны умереть.

Чтобы создать настоящего, истинного истребителя, надо самому очень сильно, по-настоящему ненавидеть того, кого собираешься убить. Ненавидеть до такой степени, чтобы быть готовым в любой миг отдать собственную жизнь, чтобы только пресечь существование врага.

Это не подделаешь, не сыграешь. Не возьмёшь из рассказов и книг, из отвлечённого умствования. Это можно только прожить.

Вениамин проживал.

* * *

Асти на белых простынях и сама белая, без кровинки в лице. Она уехала в имение богатых дядюшки и тётушки, где гостила каждый год с самого раннего детства. Она очень смущалась и винилась, что не могла взять его с собой, даже в качестве жениха.

«Дядя с тётей очень строгих правил, прости, родной. Не грусти, я вернусь уже через три недели...»

Вампиры высосали её досуха. Её и только её. Их было четверо, и они пировали каждую ночь. Вениамин едва успел проститься – и навсегда унёс отпечатки вампирьей магии.

Все четверо упырей встретили свой конец. Последнего они убили уже вместе с Дарой.

* * *

Деревенская ярмарка под Предславлем. Упырь, рухнувший с вечерних небес прямо в толпу детей, слушавших сказителя у костра. Рубящие удары «крыльелоктевых суставов», что рассекают плоть лучше остро отточенной стали. Дикие крики со всех сторон. Вмиг сделавшийся белым отец сожранного у него на глазах сынишки. Лишившаяся рассудка мать, застывшая над восковым

трупиком, в который обратилась её пятилетняя девчушка с васильковым венком в золотистых волосах.

Скрипят зубы и сжимаются кулаки. Ненавижу их, ненавижу упырей. Всегда ненавидел; всегда буду. Кровь за кровь и му?ка за му?ку.

Они с Дарой приняли бой прямо там. Дара всадила упырю в плечо серебряный дрот; он, Вениамин, ударил заклятьем, очистительным, как ему казалось тогда, пламенем, надеясь отвлечь чудовище на себя, всего лишь отвлечь; огонь стёк по крыльям упыря, не причинив тому никакого вреда.

Однако тварь они спугнули. Упирь ринулся прямо на Вениамина, что, как заведённый, метал в того огнешары; бестия, похоже, совершенно забыла о Даре, а воительница, раскрутив тяжёлый меч, встретила упыря летящим сбоку клинком, начисто снеся тому башку.

* * *

Люберец. Деревянная церковь, покорицневевшие брёвна; разорванный напополам дьячок, рядом с ним – священник в залитом кровью облачении. Вампир не стал тратить на них время, просто убил и теперь шёл на толпу визжащих женщин, в отчаянии прижимавших к себе детей.

Этого Вениамин с Дарой не видели сами. Но нетрудно было восстановить картину происшедшего – по телам, их позам, заломленным рукам и лицам, искажённым от ужаса в последние предсмертные мгновения.

Вампир не прикончил всех за один присест. Он наслаждался властью, всесилием, мольбами жертв, обилием горячей крови – всем.

Он вернулся.

В ту же церковь. Он чувствовал, что там, за наспех навешенной обратно дверью сжались дрожащие и молящие Спасителя о защите люди, по большей части – матери с детишками.

Доски затрещали, петли с хрустом выдрались из брёвен; упырь гордо шагнул через порог – и в лицо ему ударила струя кислоты.

Засевшая над притолокой Дара хлестнула клинком прямо вниз, целя в темя вампиру; он, Вениамин, привёл в действие оба настороженных самострела, вбивших в грудь упыря две скляницы с толчёным серебром и крошечными кристалликами, заставившими лёгкие кровососа вмиг заполниться ненавистным ему металлом...

* * *

Они убивали убийц и побеждали смерть.

Они ненавидели.

Эту ненависть маг сейчас и передавал своему творению.

Миг предельного сосредоточения, миг предельной концентрации.

«Послушай меня, маг».

Прямо в лиловом сиянии лей-силы появилась уже знакомая уродливая голова козлоногого. Правда, глаза его смотрели прямо, открыто и в них читался разум, не только лишь тупая злоба.

«Пророчества Разрушения пришли в движение. Их невозможно остановить. Никому это не под силу, ни смертным, ни остаткам Древних Богов, ни даже этому вашему Спасителю. Мир обречён. Он смертен, так же смертен, как и вы, люди. Жизнь каждого из вас конечна и точно так же конечен срок вашего мира. Он истекает. Пророчества Разрушения для него – это как болезнь у старика. Тело больше не может поддерживать жизнь. Наступает конец. Но ты можешь спастись. Спасти себя, других. Многих, кто сможет пройти дорогами порталов, что ты сумеешь открыть. Смерть мира не означает смерть всех его обитателей. Лучшие уйдут, если очень и очень постараются. Но на то они и лучшие. Это закон существования, сильные выживают, слабые гибнут. Не ты его установил, маг, не мы, и не нам это менять».

– Кто ты?! – сорвалось с губ чародея. – Почему даёшь советы?!

«Мы просто сила, что разбужена Пророчествами Разрушения. Мы не есть ваше «зло». Мы не убийцы, чародей. Мы – могильщики. Это наше предназначение. И мои советы тебе – часть его. Могильщики не радуются смерти. Они делают свою работу».

– И твой совет?

«Беги. Брось эти нелепые занятия и беги. Ищи заклятья больших порталов, с их помощью ты сможешь вывести всех, у кого есть хотя бы зачатки магии. Иные просто не смогут пройти. Мы не желаем им смерти. Мы никому не желаем смерти. Мы только исполняем предначертанное. Уходи отсюда, волшебник, ищи ответы. Они есть. Ты и другие – вы их найдёте. Всё остальное не имеет значения. Пророчества Разрушения пришли в действие».

Голова козлоногого исчезла. Лицо Вениамина покрывал пот, глаза немилосердно щипало, однако он продолжал насыщать плоть своего эрадикатора силой лей-линий – нельзя ни сбиться, ни остановиться.

И он-таки dokonчил обряд, выкинув из мыслей все Пророчества Разрушения и тому подобное.

Остановилась рунная мельница наверху, иссяк обжигающий поток силы. Маг тяжело дышал, но утереть пот со лба он осмелился лишь когда его конструктор мягким неслышным движением соскочил с каменной плиты на пол.

Они посмотрели друг другу в глаза, создатель и созданный.

– Идём, – хрипло проговорил маг.

Существо осторожно переступило с ноги на ногу. Оно могло ходить и как человек, и как зверь. Все четыре конечности могли, если надо, сделаться лапами для бега или руками для захвата.

Чародей поднялся наверх. Конструктор бесшумно крался следом.

Делия вскочила на ноги, подлетела, протягивая магу бокал горячего питья. Обычно румяная, сейчас невысокличка была бледна, словно призрак, со щёк сбежала вся краска.

– Всё хорошо, милая. – Вениамин приобнял её. Его пошатнуло, и Делия немедленно подсунула ему стул. – Всё удалось...

– Сейчас я его выпущу. – Делия деловито отодвигала засовы и запоры. – Иди сюда, мой хороший! Иди сюда! Смотри – всё открыто, беги! Ты свободен!

– Помни свой долг, – проговорил маг, глядя прямо в устремлённые на него глаза конструктора. На мгновение там мелькнуло нечто странное, осмысленное, разумное – словно душа бедолаги дровосека выглянула из-за края смерти, попрощаться и сказать, мол, не подведу.

Но этого, конечно, быть не могло. Существо-истребитель вампиров было не изменённым, переделанным половинчиком с его сознанием в новом теле. Нет, оно было некроконструктом, «corpore animati», движущимся неживым кадавром, и Вениамин прекрасно понимал, что его ждёт, если Капитул таки докопается до причины странных «умерщвлений», случившихся в последнее время с целым рядом высших вампиров.

– Ну, беги, мой хороший, – ласково, словно любимому коту или пёсику, сказала Делия. Конструкт последний раз взглянул на неё, на чародея, коротко кивнул и мягко затрусил к дверям.

На пороге же, однако, он вдруг остановился, ткнувшись головой в грудь Делии, а та, хлюпнув носом, погладила его пару раз по могучему чешуйчатому плечу.

Конструкт отстранился и бесшумно исчез за порогом. Тьма поглотила его мгновенно, словно никогда его тут и не было.

– Закрывай двери, Дели, – негромко вздохнул маг. – Дует.

* * *

Ему оставалось ещё одно дело, и занялся им Вениамин на следующий же день. Вокруг царила уже самая настоящая зима, хотя по календарю полагалось быть ещё осени; снег лёг прочно, основательно, и ясно было, что это уже до весны.

Половинчики в селении, впрочем, совершенно не унывали. Снежные дни они встретили смехом, заливкой горок, возведением крепостей, эпическими битвами на снежках – словом, веселились вовсю, словно дети. Над трубами их низких уютных домиков дружно поднимались дымки, наступало время, когда невысокликки, наработавшись за весну, лето и осень, могли предаться недолгой праздности. Да и то сказать – обогреваемые термальными водами теплицы всё равно требовали заботы, умельцы ладили кто тёплую одежду, кто валенки, кто меховые шапки, словом – кто что.

Хорошо, что ездовым варанам, их «северной» породе, снег был нипочём. Вениамин и Делия отправились, едва рассвело, и провели среди свежевывавших снегов немало времени, хотя от башни их отделяла самое большее сотня или две шагов.

Исполинский топор из красного железа они нашли далеко не сразу. Хотя куда бы могла деться такая штуковина выше человеческого роста? – однако вот делась. Снег как-то подозрительно быстро и густо укрывал её, и казалось – торчит себе какая-то не то обломанная лесина, не то просто жердь...

Топор был огромен. Вениамин едва смог его пошевелить; удар таким не выдержит никакая броня и никакой человек. Да что там человек, перед таким не выстоит даже гном.

Темно-багровое топорище, всё покрытое резными символами. Широкое полотно алой стали, чёрная полоса вдоль лезвия. С обуха скалится уродливая физиономия рогатой твари.

Делия испуганно моргала, но варанов за поводья держала крепко; от топора шла совершенно чёткая и ясная эманация, ощутимая даже невысокличкой, крайне далёкой от магии.

Эманация чего-то тяжкого, жуткого, затягивающего, грозного. Даже смотреть на дико изломанные линии, покрывавшие плоскости, было неприятно – чудились не то безжалостно пытаемые пленники, не то предаваемые лютой казни жертвы.

– Вен, господин Вен... что же мы с этим делать станем?

– Мне надо как следует изучить эту штуковину, Дели. Не думаю, что нас с тобой обрадует, если хозяин этого топора явится сюда требовать обратно своё имущество.

– Так его ж в подвалы не спустить!

– Спустим. Отвесно если. Не волнуйся, Дель. Держи варанов.

На семи лей-линиях кинетические чары – сиречь «перемещения материальных предметов силой одной лишь воли» – давались Вену легко. И сейчас он попытался приподнять демонское оружие привычным образом, концентрацией мысли и воли.

Топор не шелохнулся. Зато по топорщику пробежала цепочка зловещих багровых огоньков, у злобной физиономии на обухе вспыхнули глаза. Делия фыркнула, словно рассерженная кошка, чуть присела, схватившись за рукоять короткого рюкко, ножа без крестовины. Вениамин знал, как она умеет его метать.

– Не хочешь, значит, приятель, – сказал маг, словно алое железо с неведомого бытийного плана могло его понять. – Что ж, не будем тратить времени на метод последовательных приближений, используем сразу радикальное...

Он очертил в снегу круг, быстро разбил его на семь дуг, аккуратно расписал руны, ориентируясь по сторонам света.

– Посмотрим, как тебе это понравится. – Вен аккуратным движением замкнул магический контур.

Линии рун вспыхнули лиловым, снег внутри круга начал быстро оседать, таять, проявилась чёрная земля. Топор задрожал, задёргался, казалось, что это он изо всех сил пытается вырваться из опутавших его чар.

Теперь ярко пылали все до единой линии, испещрившие оружие. Изделие неведомых кузнецов, выковавших его в «кузницах Ада», как сказали бы адепты Спасителя, медленно оторвалось от земли.

Маг вытянул руку, до предела сжимая и проецируя вперёд собственную волю. Здесь этого хватало, чтобы безо всякого лука отправить стрелу на три сотни шагов так, что она насквозь пронзит любой шлем или нагрудник; топор же, однако, еле-еле, медленно и словно нехотя, поплыл над землёй. Вениамин мгновенно взмок, словно таща неподъёмную тяжесть на собственной спине.

Кое-как ему удалось водрузить добычу на салазки. Дерево жалобно затрещало; бедные вараны едва смогли сдвинуть груз, так что им ещё пришлось помогать.

* * *

Немало времени ушло и на то, чтобы опустить доставленный трофей в лабораторию чародея. После этого Вениамину пришлось целый час отлёживаться, в невероятных количествах поглощая эликсиры собственного приготовления – топор упрямо и не без успеха сопротивлялся его магии.

Впрочем, сейчас он был водружён на массивные опоры, ограждён на всякий случай двойным отражательным кругом, а сам господин Вениамин вкушал сваренный Делией глинтвейн, полулёжа в кресле перед камином.

– Нет, Дель, мы должны сделать так, чтобы ворота никогда не открылись. Госпожа Алисанда оставила по себе долгую память, она много чего мне поведала, но демоны, демоны на нашем пороге – это уже слишком. Вампиры – зло понятное, известное. Мы умеем их убивать, пусть и не в таких количествах, как нам того бы хотелось. А вот демоны... Нас было трое, два мага и вампир – и всё, что мы смогли, это выпихнуть его обратно. А если бы не смогли?

– Плохо было бы, сударь Вен. Бежать мы бы, конечно, не побежали – мы, половинчики, с великанами справляться умеем. Накопали бы выверновых ям побольше да поглубже, кол в каждую потолще да поострее – вот и поглядели б ещё, кто кого!

– Хм, а кстати, верно, – задумался Вениамин. – Крылья у него хоть и были, да вот как-то с полётами у нашего красного гостя было не очень. Может, и вправду... нет, нет, не стоит селение пугать раньше времени. Ладно, пойду – а ты смотри, следи, забирайся на самый верх башни, как увидишь хоть что-то необычное, сразу мне дашь знать!

– Мяу! – решительно сказал кот, давая понять, что будет именно тем, кто доставит предупреждение.

– Р-ргаф! – не менее решительно выразился волкодав, дружески толкая Делию носом.

– Ты со мной смотреть будешь, молодец, – умилилась невысокличка.

– Р-ргаф! – согласился пёс.

– Вот и договорились. По местам, друзья мои, по местам!

* * *

Рунная мельница позволяла концентрировать и модулировать поток магической энергии от скрещения лей-линий. Конечно, поместить чудовищный топор в самый фокус Вениамин не смог, но этого и не требовалось. Вполне будет достаточно гиперболических зеркал и кристаллов-резонаторов.

Колоссальное оружие застыло, уродливая морда на обухе мерзко скалилась на чародея.

И вот этих вот тварей вампиры хотят притащить в наш мир? Для этого они затребовали у Алисанды заклятья высших уровней, а она охотно предоставила им их? В обмен на козлоногого, который ускользнул, скорее всего, освобождённый вампиршей Беатой – кстати, а почему она не испугалась это проделать? Судя по их с ле Вефревелем виду, козлоногий задал им жару. Я бы на её месте к нему и на два полёта стрелы не приблизился; что мне в нём? Заклятья получены, чего ж ещё? Конечно, можно понадеяться, что козлоногая тварь атаковала бы нас, но этого не случилось – тоже, кстати, почему? Она просто исчезла, и всё.

Нет, нет, сосредоточься, Вениамин. Не думай ни про козлоногого, ни о Пророчествах Разрушения. Всё в свой черёд.

Сдвинуты круги рунной мельницы, выстроены паттерны символов. Тройки и шестёрки, «отзвуки изначального Слова, сотворившего мир», как утверждали некоторые неортодоксальные источники, цепочки, круги, спирали – сила лей-линий потекла в расставленные вдоль стен гиперболические зеркала. Вениамин следил, чтобы напряжённость поля повышалась медленно, постепенно, играл потоками, концентрируя их на конце топорща.

Кто-то добыл руду. Кто-то выплавил из неё железо, кто-то обратил заготовки в красную сталь, кто-то выковал лезвие, кто-то выгравировал на нем бесчисленные руны. Каждый мастер должен был оставить след – это не простой нож, сработанный деревенским кователем.

Кто они? Где это было сделано? Какие чары вложены в это жуткое оружие?

Лицо мага заострилось, глаза словно провалились, щёки сделались впалыми, он точно постарел лет на тридцать.

Мало вгонять поток силы в изделие демонов. Вениамин пробивался сейчас сквозь плотные слои небывалых, незнакомых чар. Глубже, глубже, ещё глубже – где же материал, непосредственное то, на что накладывались заклятья, на чём рисовались руны и символы?

С деревом всегда проще работать, чем с металлом. Дерево всегда помнит дни, когда оно росло и зеленело, тянулось ввысь, дарило приют птицам на ветвях и мелким зверюшкам у себя под корнями. Оно помнит и тех, кто пришёл прервать его жизнь, а оно не могло ни сопротивляться, ни бежать.

Металл куда проще. Он не был живым. Память свою мог оставить огонь, да и то смутную и не всегда. Поэтому Вениамин начал с топорща, медленно, осторожно лавируя меж извивами рун, каждая из которых пульсировала чужой и злобной силой.

Символы эти он пока не пытался расшифровывать. Хватало того, что их записывал должным образом настроенный кристалл; им черёд придёт позже.

Часть заклятий становилась понятна почти сразу, интуитивно. Отражение, отталкивание, закрепление, стягивание. Относительно просто. Очевидно, принципы работы с силой у демонов схожи с нашими, а то даже и просто

одинаковы.

Это можно было понять. Труднее оказалось другое – как это вообще сделано? Ясно, что это должно крепить, а это отталкивать, но какие законы лежат в основе этих рун?

Постой, остановил себя маг. Это детали и частности. Глубже, пробивайся глубже!

Он пробивался.

И, конечно, дальше становилось труднее. Маг со всевозрастающим трудом проталкивал острие силы меж тугих извивов чужих заклинаний. Здесь, в глубине, он уже почти ничего не мог разобрать. Однако, где же само топорище? Пусть не из дерева, пусть из камня или металла, должно же оно быть!

Его незримая проба одолела последнюю преграду и...

Пустота. Пустота, в которой пульсирует, бьётся, мечется зачарованная, пленённая сила. Ей некуда деться, она не может растратить себя и пребывает так бесконечно долго.

Направляемый рукой мага поток лей-энергии столкнулся с заключённым под многими слоями чар; Вениамина швырнуло на пол, в глазах вспыхнуло слепящее солнце.

Кряхтя, он поднялся. Голова кружилась, но, хвала всем силам земным и небесным, более никакого ущерба. Алый топор остался таким же, как был, и морда демона на обухе скалилась в лицо магу также презрительно и нагло.

– Врёшь, не возьмёшь, – ухмыльнулся ему в ответ Вениамин. – Думаешь, ты со мной справился? Да ничего подобного. Вот увидишь!

* * *

Маг работал как одержимый. Вторая попытка оказалась более успешной; он пробился к основанию топора, к тому, что выглядело как «красная сталь», и нашёл там такую же пустоту. Демоны не пользовались ни сталью, ни деревом, ни камнем. Оружием им служила чистая магия – но почему? Зачем такие сложности, когда можно и в самом деле просто выковать такой вот топор да покрасить, если уж так хочется, в алый цвет?

Маг чувствовал, что это важно, очень важно. Что, если демоны в принципе не способны ни к какому ремеслу? Однако не способны они и ни к какой «настоящей магии», только к странному и примитивному её извращению, когда мириады сложнейших чар служат лишь тому, чтобы смастерить нечто, имеющее в глазах стороннего наблюдателя вид того самого «красного топора»?

Проба Вениамина медленно и осторожно двигалась к обуху, к той самой ухмыляющейся морде рогатого демона. «Посмотрим, – подумал чародей, – будешь ли ты улыбаться и дальше?»

Тонкое остриё из туго свёрнутой, до толщины человеческого волоса, силы вошло в глаз усмехающейся физиономии – что-то рванулось из застывшей маски – в сознание Вениамина словно ударил камень из катапульты, такая вспыхнула боль.

Его опрокинуло вновь, но на сей раз он увидел, как физиономия с обуха отделяется от топора, взмывает над ним, облекаясь плотью. Красный демон был здесь, перед ним, в его лаборатории, и за чудовищем раскрывались глубины алого портала, поглотившего половину башни чародея.

Вениамин словно падал в багровую бездну, проносясь над бездонными провалами в Ничто; его сознание сопротивлялось, оно понимало, что являющееся есть лишь иллюзия, манифестация того, что не в силах постичь человеческий разум при переходе на иной план бытия.

Вот оно – чёрное небо, клубящиеся облака, фонтаны пламени, рвущиеся из трещин в истерзанной земной поверхности; око ночи и смерти.

Красные фигуры, красные существа двигались, шагали, парили, ползли среди брызг жидкого огня и вспухающих то тут, то там облаков желтоватого дыма или пара.

Взгляд Вениамина скользил дальше, и за чёрным кольцом острых, словно кинжалы, гор, местность – или «мир», или «бытийный план», неважно, – слегка менялась.

Небо обрело лиловый оттенок. Появились чёрные растения, странные, больше напоминавшие змей, облачённые в чешую вместо коры. Кипящие источники, Вениамину показалось, что он ощущает серную вонь. Красных тварей сделалось меньше, зато во множество появились иные чудовища, мало чем от них отличавшиеся.

«Их мир, – подумал маг. – Оттуда они идут. Что ж... их где-то даже можно понять».

Взгляд его скользил всё дальше и дальше, скорость нарастала; лиловое небо посветлело ещё чуть-чуть, прямо перед ним взметнулась горная страна, в самом её сердце его ждало повторение уже виденного: огонь, серный дым, толпы красных демонов и пылающая арка портала.

Исполинского портала, куда больше, чем тот, что совсем недавно открылся на его собственном дворе. Демоны входили в него, и взгляд Вениамина летел за ними – прямо сквозь багряные врата.

* * *

Он оказался под самым обычным небом, хоть и серым, и облачным. Оказался над лесами, тоже самыми обычными, пронёсся над кругами полей возле сгрудившихся в кучку домишек – каждую деревню здесь окружал частокол, а над ним – что-то вроде хоругвей с ликом, напоминавшим лик Спасителя.

Мелькнули люди, тоже совершенно обычные. Работали на полях, брели по улицам, погоняли коней – похоже, тут совершенно не было варанов.

Вениамин увидел рыцарскую процессию, тяжеловооружённого всадника в броне под цветным узким вымпелом, и за ним – десяток или полтора всадников, ещё какой-то люд. Смахивает на Империю Креста, вот только тамошние братья-рыцари не носили на одеждах или на стягах ничего, кроме одного лишь чёрного

креста, откуда их держава и получила своё название.

И там, кроме людей, были красные твари. Занятые делом – они атаковали.

Вениамин видел, как возле какого-то селения поток красных тварей вливался через пролом в частоколе: валялся на земле высокий шест с хоругвью Спасителя.

Ему показалось, что он даже слышит истошные предсмертные вопли.

Что это? Что за видения? Что они значат?..

А он нёсся всё быстрее и быстрее, земля внизу сливалась в неразличимое мельтешение, и вот уже вновь всё вокруг багряное, красное застилает взор и...

И Вениамин Скорре оказывается сидящим на полу в своей собственной лаборатории. Прямо перед ним исходит странным алым дымом топор рогатого демона.

Маг поднялся, на негнущихся ногах шагнул к жуткому оружию. Взглянул в глаза скалящемуся демону на обухе – однако выражение его морды изменилось. Теперь оно не ухмылялось, не кривилось – смотрело исподлобья, но смотрело прямо, словно говорило... вы следующие.

«Мы следующие», – понял вдруг маг. Закрыв глаза – видеть отвратительную рожу чудовища на обухе не было сил.

Значит, вы готовы. Что ж, мы тоже будем готовы.

– Мря-у-у-у! – ворвался в лабораторию кот.

Так, Делия что-то заметила.

Вениамин наскоро закольцевал магические потоки, бросился вверх по узкой винтовой лестнице. Что за новая напасть?!

На вершину башни он взлетел единым духом.

В ранних сумерках, в сгустившейся вечерней полумгле, под низким серым небом, по-прежнему сеявшим негустым снежком, там, далеко на северо-востоке, где лежали развалины хаоситского капища, вспыхнул багровый огонь.

– Только этого нам и не хватало, – тяжело вздохнув, пробормотал чародей. – Ещё одного портала...

Делия и волкодав – оба всматривались в мерцание зловещего огня.

– Мастер Вен, что же делать? – Невысокличка обернулась к чародею. От её взгляда Вениамину захотелось немедленно кинуться с башни вниз головой – с такой верой и надеждой смотрела на него эта маленькая, но отважная девушка. Она даже не сомневалась, что он не допустит, что он защитит, что он одолеет, что справится и с этой бедой...

Да, там, внизу, спокойно себе греется у каминов в уютных комнатках с низкими потолками целое селение невысокличков. Иные – дома, иные – в трактире, потягивают горячий сидр или осенний эль.

Багровое сияние мерцало, то разгораясь, то почти угасая. Вениамин сжал кулаки.

– Прошлый раз вы меня застали врасплох, – процедил он сквозь зубы. – Посмотрим, как оно теперь обернётся. Делия! Оставайся здесь. Наблюдай. Вы, двое, – взглянул он на пса и кота, – помогайте ей. Если что-то случится – сообщайте мне. Я пошёл вниз. Посмотрим, так ли круты эти рогатые ребята, как хотят казаться...

Вновь сдвинуты руны, и вновь подрагивает под напором лей-энергии чёрный монолит. Но теперь на него водружён изрядно запылённый куб кристалла-рассеивателя, вдоль стен – гиперболические зеркала, развёрнутые на северо-восток.

Вениамин принялся лихорадочно соединять их дорожками символов.

Ну-ка, глянем, какой-такой там у вас портал.

Рассеянные невидимые нити силы сжимались в плотный поток, били в плоскую поверхность куба-рассеивателя и, само собой, рассеивались, но не просто так. Изменённые, они отражались от локальных возмущений силы, и магистр надеялся сейчас, что портал – если там действительно портал – окажется именно таким «локальным возмущением», которое ему удастся нащупать, не покидая собственной лаборатории.

Зеркала помогут собрать отражённый сигнал.

Конечно, всё это приходилось настраивать, поддерживать, контролировать вручную. Балансировать поток, удерживать нужное рассеяние, частотную и амплитудную модуляции, и, увы, с этим уже не справились бы простенькие кинетические кристаллы.

Зеркала отозвались почти мгновенно. Сами расставленные по дуге, они в свою очередь образовывали магический фокус, и в нём сейчас начало появляться подрагивающее изображение.

Нет, не красивая картинка с высоченной аркой полыхающего портала. Непонятная никому, кроме самого Вениамина, паутина серых линий, среди которых сияли семь ярких лиловых росчерков, скрещивающихся под самой башней. А там, на северо-востоке, бесцветная сеть «обычного мира» начала сминаться, растягиваться, топорщиться, и в самом центре этого возмущения нарастало всё то же лиловое сияние, признак стремительного истечения силы.

Словно бы в пустыне забил вдруг мощный источник, прорвавшись сквозь слои сухого песка.

Портал? Возможно. Сила втекала извне, она не утекала из мира.

Ну, теперь я вас вижу – а вот вы меня нет!

Вениамин шагнул прямо к кубу, простёр руки над отполированной прозрачной гранью, вновь окуная их, как и при работе с некроконструктом, в поток лей-энергии.

Ух, жжётся.

Обычный человек ничего не заметит, а вот маг – да.

Портал – сложнейшее заклинание, требующее тонкого баланса и удержания его в течение продолжительного времени. А следовательно, если сейчас подкинуть туда дровишек...

Волны покатались на северо-восток, невидимые волны силы. Вениамин разворачивал энергию семискращения, гнал её туда, к старому капищу, направляя на то место, где в ткани его мира вспухал чудовищный карбункул.

Здесь не важна точность, не требуются тонкие настройки – чтобы разрушить карточный домик, достаточно просто дунуть.

Ответ пришёл, ответ мощный, и под ногами чародея дрогнул пол; однако он видел, как лиловый огонь замерцал, потускнел, сжался – и вдруг оторвался от серой сети мира, воспарил; а миг спустя лопнул.

Через пару минут примчался кот.

– Мррау! Мурр! – торжествующе.

– Небось погасло? – спросил чародей кота.

Тот кивнул.

Да, зарево угасло. Но Вениамин не успокоился. Оседлал варана, взял с собой пса и, несмотря на охи и ахи Делии, отправился в ночь.

Вернулся, когда давно уже видели десятый сон все половинчики, а мягкий снег укрывал землю, когда разошлись тучи, с небес глянули луна и звёзды, заливая белые пространства вокруг призрачным светом.

Портала не было. Развалины старого капища молчали.

Вениамин облазил всё, что мог, наставил сторожевых чар, ловушек, мелких капканов. Возвращался, как говорится, усталый, но довольный – пока портал не открылся, его оказалось довольно-таки просто дестабилизировать, не дать отвориться полностью; потому что, судя по опыту нашей дорогой Алисанды, потом заткнуть дыру становится очень трудно.

Спать он завалился уже под утро. Потому что какое-то время ещё ушло, чтобы понадежнее укрыть вражье оружие. Заблокировать, отрезать от всего, что хотя бы отдалённо напоминало силу. Становилось ясно, что топор не зря и не ради забавы являет собой один клубок чар.

– Завтра, – посулил Вениамин, уходя. – Завтра я начну всё это разматывать.

* * *

Маг лежал в постели, в мягкой полутьме, как он любил. Кот и пёс рядом. Всё как обычно, но сон не шёл, несмотря на выпитый эликсир.

Красные демоны, твари, чудовища. Где они атакуют? Какие-то мелкие рыцарские феодалы, баронства и графства к западу от Империи Креста? Но почему нет варанов? Там, на южной стороне Пролива, их ещё больше, чем здесь. Конечно, благородные *chevaliers*, – как выразился бы мосье ле Вефревель, чтоб ему, болезному, встретить в пути моего посланца! – пользовались исключительно лошадьми, животными дорогими и престижными, в отличие от варанов, отменно плодящихся и всеядных – но всё равно, простой-то люд как раз на варанах и пахал и возил, а тут ни одного.

Пролом в частоколе, упавшая хоругвь... десятки алых бестий, рвущихся внутрь...

Маг с проклятием поднялся.

Нет, не уснуть. Никак не уснуть.

Он провёл пальцем по книжным корешкам. Надо, в конце концов, навести порядок на полках – Делия всё порывается, но лучше уж не надо, «в моём хаосе я всегда всё найду, в твоём порядке – никогда».

Она, бедняжка, тогда обиделась...

Что у нас там? Алхимики? Алхимики – это хорошо. У них всё чётко – первоэлементы, их сочетания, *nigredo*, *albedo*, *citrinitas*, *rubedo*. Превращать медь в золото они, конечно, в конце концов научились, но это требовало такого расхода магических энергий, что выгоднее оказалось строить высокопроизводительные драги и совершенствовать способы обогащения руды, а не только пользоваться самородным металлом... Так, это что? «*Secretum Secretorum*»? Забавное сочинение, да... утверждало, что магия вообще и алхимия в частности – это всего лишь путь к изменению человека, превращению его в божество, бессмертное, странствующее между мирами, лицезреющее их рождение и гибель.

Мол, все заклатья, алхимические рецепты – есть лишь закодированные практики, посредством их «мудрый» обретёт «истинную свободу», для которой ему не нужно книг и заклинаний, знания рун, свойств трав и минералов и прочее, и прочее, и прочее.

Скажем, описывается вполне себе банальная трансмутация серебра в золото (сделать можно, но концентратор лей-энергии потребуется размером с высочайшую гору мира), но на самом деле – это последовательность духовных упражнений, очищений, медитаций, к коим прибегает адепт, прежде чем завершит свой *Opus Magnum*, Великую Работу; а Великая Работа – это вовсе не груда трансмутированного золота, это *homo novus*, новый человек. Сверхчеловек.

Вениамин открыл книжку.

Вообще-то я не помню, чтобы сюда её приносил...

Иллюстрации, гравюры, алхимические рисунки, аллегии, луна, солнце, звёзды, человек – и демон.

С пергамента на мага таращился рогатый демон, вырисованный в мельчайших деталях.

«Из субстанций неочищенных, из отбросов и шлака рождаются видения. Берегись! Ибо алый зверь ступит на наши берега, и воцарятся стон и плач и беды

и голод; кровь потечёт водою и не найдёшь ты места упокоения, чтобы продолжить Великий Труд. Ей, вещаю! Увиденное глаголю, открывшееся мне среди пышущих углей – снизойдёт на нас зверь красный, рогатый, и поразит сражающихся с ним, и опрокинет грады, повергнет твердыни; так начнётся Нигредо, Разрушение мира, и потому торопись, посвящённый, ибо нет у тебя иной дороги, как прочь отсюда, сквозь кажущееся вечным небо!»

Проклятье.

Вениамин впился взглядом в страницы, перечитал ещё раз и ещё.

Да. Пророчество Разрушения, как оно есть.

Заставил себя выдохнуть, принялся листать книгу. Ага, вот ещё одно – и почему они раньше не попадались ему на глаза?

«И, проникая в тайну Альбеда, помни, что зверь красный, рогатый одержит победу и слуги его пойдут от горизонта до горизонта, погружая всё в хаос, убивая и пожирая – останься белым, останься чист, как та субстанция, кою очищает твой процесс. Мудрый поймёт, что есть что, ибо изложено сие в моих письменах, скрытых от недалёких умов.

Настанет Альбеда, зима смерти нашей, и не останется ничего, кроме лишь красных тварей; они подобны огню, ибо очищают плоть мира, готовя его самого к Великой Работе...»

«Ибо как истинный алхимик очищает элементы, так и мир должен быть очищен, прежде чем воскреснуть в заре нового Rubedo. Красный цвет огня, красный цвет смерти, красный цвет жизни...»

«Там, где великие камни встали стоймя, камни, посвящённые тайному, откроются врата Красному Зверю. Там, где поднялись их острия, разорвётся сам мир, и вспыхнет великий пожар, и алые твари начнут свой марш...»

«Упыри б их сожрали, этих демонов», – в сердцах подумал Вениамин. Сиди теперь и мучайся, случайное ли это совпадение – пророки вообще обожают мутные туманные фразы, которые можно истолковать и так, и этак.

Но эти свидетельства были чёткие и однозначные.

Красные демоны, их вторжение и победы.

«Там, где великие камни встали стоймя».

«Алые твари начнут свой марш».

«Очищение мира».

И потом какой-то совершенно иной процесс, эсхатологический, тот самый «конец света» и его перерождение.

Это имел в виду козлоногий? Или ещё какие-то иные пророчества?

Которые ещё неведомо, сохранились ли, дошли ли до наших дней?

И есть ли способ предотвратить это вторжение?

Ну, наверное, самое простое, что приходит в голову, это не разбрасываться заклятьями вызова этих самых демонов.

Алисанда, Алисанда, о чём ты вообще думала, когда затеяла всё это?!

Второе... второе... стоп! «Великие камни, вставшие стоймя»? «Камни, посвящённые тайному»? Не о так называемых ли мегалитах Империи идёт речь, о мегалитах, делающих демонов то ли покорными, то ли дающих им возможность существовать в нашем мире – хотя рогатый великан со своим топором, похоже, никаких трудностей не испытывал.

Мегалиты Империи, о которых упомянул ле Вефревель, причём явно проговорившись. И находятся эти загадочные мегалиты во власти нашего дорогого лорда Гримменсхольма, высшего из высших вампиров, их повелителя.

Каковой лорд сидит где-то в полной неведомости.

Что за мегалиты? Какова их природа? Могут ли они как-то притягивать демонов сюда с их плана, мира или как называют это их обиталище? Причём тут Империя, от которой осталось куда меньше, чем, скажем, от Чёрных королевств юга, где правители возводили себе роскошные некрополи и где до сих пор можно найти храмы Древних Богов с богатой каменной резьбой, подробно повествующей об их деяниях?

Маг помотал головой. Мысли путаются. Не знаешь, куда бежать, за что хвататься. Не знаешь, куда делся козлоногий, зачем обращался к нему, Вениамину, зачем предлагал бежать, искать дорогу в иной мир.

Ясно одно. Оставлять это как есть – нельзя. И нельзя оставаться здесь, вести свою тайную войну с упырями, пока тут разворачиваются такие дела. Пророчества Разрушения и красные демоны представляли слишком чёткой и ясной угрозой, чтобы просто так от неё отмахнуться.

Что ж, мы и не будем отмахиваться. И прежде всего попытаемся отыскать те самые мегалиты.

* * *

На следующий день, уверив Делию, что всё хорошо и всё в порядке, маг засел за работу. Главными задачами Вен определил:

Во-первых, перерыть пророческие книги своей библиотеки на предмет этих самых Пророчеств Разрушения.

Во-вторых, то же самое, но уже с историческими сочинениями, на предмет этих самых мегалитов.

И в-третьих, подобрать иной способ их нахождения, посредством магии, а не перелистыванием страниц.

Но, как говорится, скоро только сказка сказывается. Листать старые инкунабулы, расшифровывая выцветшие строчки – небыстрое занятие. Уже к обеду у магистра ныла спина, глаза покраснели, грудa выписок росла, но особого толку во всём этом не наблюдалось.

Конечно, работать в фундаменталке, как студиозусы называли главную, основную библиотеку Академии, куда как лучше. Положил книгу на пюпитр, заказал библиотечного автомата, на специальной карте пробойником сделал дырки где положено, закодировав рунами, что именно требуется искать, вложил в прорезь на затылке – и пусть конструктор работает, страницы листает. День, ночь, ещё день, ещё ночь – сколько потребуется, пока не отыщет требуемое.

Автоматов у нас нету, поэтому придётся самим. Чародей с тоской окинул ряды полка – свою библиотеку он собирал долго, упорно, не жалея сил, привёз всё сюда...

Нет. Даже чтобы перерыть его пятнадцать тысяч томов, потребуются недели и месяцы. Которых у него нет.

Так что попробуем иначе.

«Мегалиты Империи».

Мегалиты – то есть вертикально поставленные огромные камни, места поклонения Древним Богам, когда искусство строить храмы ещё не возникло в Чёрных королевствах. Додревняя древность. Зачем Империи, которая, если судить по «Tota mundi historia antiqua»[9 - Tota mundi historia antiqua – Полная история античного мира (лат.)], занимала всю Ойкумену по обе стороны Пролива, достигая Восходного и Заходного океанов, строила циклопические морские корабли, дороги, что пережили само время – зачем ей какие-то примитивные мегалиты?

Хмурясь, маг расстелил карты. Древняя Империя погибла в невиданных катаклизмах, суть которых так и осталась неведома даже нынешним магам; погибли книгохранилища, библиотеки, храмы с их статуями и фресками, гробницы, некрополи – всё.

Кроме дорог. Дороги почему-то остались.

Все карты поэтому были на девять десятых плодами фантазии купцов, путешественников и художников, перелагавших устные рассказы на пергамент.

Да, карты... с драконами и морскими чудовищами по краям. Нет, драконов встретить можно, если очень постараться (правда, рассказать потом об этой встрече никто не сможет. Дракон, потому что ему это в принципе неинтересно, тот, кто с ним встретится, – потому что мигом обернётся драконьим обедом или ужином); морских чудовищ и в Проливе, и в океанах тоже хватает, но к картам они никакого отношения не имеют.

Столица древней Империи, Город Солнца, Civitas Solis, как именовали его манускрипты, лежала в пределах нынешней Империи Креста, хотя последнюю правильнее было бы именовать «Державой» – ибо там не было никакого «Императора», а лишь «Совет братьев-местоблюстителей», поскольку Императором её мог сделаться только сам Спаситель, когда настанет пора его Второго Пришествия.

От Города Солнца не осталось даже руин. Никаких тебе таинственных подземелий, хранящих страшные тайны, ничего. Лишь громадный кратер полтора десятка лиг в диаметре и добрые пол-лиги глубиной. До сих пор земля там чёрная и спёкшаяся до состояния камня, хотя за прошедшие века вода и ветер нанесли туда обычной почвы, семян и впадина заросла густым лесом; чёрная подложка, свидетель страшной катастрофы, ушла глубоко, на много сажень.

В тех местах искать нечего. Никаких мегалитов там и в помине нет.

Вениамин с досадой отвернулся от карты. Только зряшная потеря времени. Нет, надо иначе... надо как-то вытрясти из ле Вефревеля их расположение. Да-да, Санди говорила – они там же, где обиталище лорда Гримменсхольма, а его упыри не выдадут ни за что.

Ни за что? Не выдадут?

Демоны бы тебя побрали, милсдарыня Алисанда, почему ты не на моей стороне?!

Так, остановись, маг. Она не на твоей стороне, и ты ничего не можешь с этим сделать.

Чем больше Вениамин сидел над картами и книгами, тем яснее становилось, что ему одному эта задача не по плечу. Потребуется годы работы, и не в его узкоспециализированной библиотеке, а в главном книгохранилище Академии, со многими автоматами, снаряженными на поиск.

Проклятье, ему нужна Алисанда. Может, даже Корделия Боске. Нужны старые друзья-охотники. Узел затянулся туго-натуго, и развязать его в одиночку, даже сидя на семи лей-линиях, не получится.

Он должен выяснить, что это за Пророчества Разрушения, во всей их полноте. Если они связаны с открытием врат для демонов – значит, надо сделать так, чтобы этого не случилось. Если ради такого нужно будет лгать и пресмыкаться перед Капитулом, чтобы получить поддержку... Нет, этого он делать не будет. Предательством победы не купишь.

Разить в сердце тьмы... красивые слова, но иногда иного пути нету. Захватить живьем нескольких вампиров, желательно высших, выпытать у них, где находятся эти мегалиты. Любой ценой.

Маг тяжело усмехнулся. Не он ли твердил охотникам, что нет никакого смысла даром погибать в безнадёжных попытках добраться до сказочного «трона вампиров», где якобы восседает «упырий король»? Не он ли спорил с Дарой, что они не имеют права погибнуть все разом, что они должны защищать простых поселян, должны искать новых добровольцев, что охотники должны становиться армией?

Не стали. Крупицы, единицы сражавшихся с упырями не сделались могучим воинством – может, потому, что вампиры выхватывали то здесь, то там по жертве, не чинили массовых убийств, не как в прошлые времена? И народ предпочитал приспособиться, пересидеть, по принципу «моя хата с краю»?

Быть может. Не хватило храбрецов, отчаянных сорвиголов, не хватило тех, кто хотел мстить. Большинство молодых охотников были именно мстителями, у кого упыри загрызли, высосали, убили семью; и вампиры быстро усвоили, что мстителей оставлять нельзя, стали выбивать целые семьи, до основания.

Доходило до того, что в деревнях знали – если к какому-то семейству повадился летать упырь, остальные могут чувствовать себя в относительной безопасности.

Именно поэтому магистр Вениамин Скорре и отправился на север.

Человеческому роду требовались защитники.

«Оружие возьми у мёртвых», – гласила первая строчка мрачной «De terrore mortis ac tenebris»[10 - De terrore mortis ac tenebris – Об ужасах тьмы и смерти (лат.)]. И так он и сделал.

Оружие возьми у мёртвых, оружие создай из мёртвых.

Вениамин создал. Его эрадикаторы не возвращались, однако он знал, что упыри начали нести потери, и потери чувствительные.

Да, армия таких вот созданий могла повернуть по-иному ход войны людей с вампирами, даже если люди не хотят сами сражаться за себя.

Сейчас маг пожалел, что отпустил своё последнее создание. Хотя... он ведь творил одиноких охотников, губителей, не зависящих ни от кого и ни от чего. Сделать некроконструкта управляемым – это навесить на него каллиграфическим почерком выведенную табличку: «Я, Вениамин Скорре, сделал это».

Нет. Надо собираться в дорогу. Ему предстоит и в самом деле создать отряд истребителей, отряд тех, кто сможет осилить вампира один на один и один против двоих. Простые люди не вынесут этой магии, только мёртвая плоть.

Свежая мёртвая плоть. Годились только совсем недавние трупы.

После долгих колебаний маг достал-таки из ледника внушительных размеров колбу, всю заиндевевшую, так, что невозможно было разглядеть её содержимое. К ней был намертво припаян небольшой бесцветный кристалл, почти невидимый.

Чародей подержал колбу в руках, словно колеблясь.

Это он ещё не имел шанса испытать по-настоящему. Так... модели. Эх, ну да была не была. Возьму на крайний случай.

На следующий день Вениамин принялся навьючивать своих варанов. Пусть вокруг холод и снега, он не может ждать.

Делия заливалась слезами.

– Ты останешься здесь, – тихо и внушительно говорил ей маг. – Я не могу бросить башню. Здесь обязательно должна быть живая душа. Так устроена защита. И не думай, что не найдётся желающих наложить руку на мою рунную мельницу. Тебе придётся привести в действие отпорные чары. Иначе они не сработают.

Невысокличка рыдала.

– Я хочу-у... с ва-ами... господин мой Вен...

– Нельзя, – втолковывал ей маг, – мне нужно куда-то вернуться. Точнее, не куда-то, а сюда, к вам. К тебе. И они, – он указал на кота и пса, – останутся тут, с тобой. Помогать.

– Х-хорошо, господин мой Вен, – шмыгнула наконец носом Делия, вытирая слёзы. – Но, господин мой... вы ведь не едете к ней, к этой ужасной женщине?

Вениамин вздохнул.

– Нет, Дель, я не еду к ней. И не думаю, что мы с ней столкнёмся. Но если такое чудо и случится... помнится, ты очень крепко заехала ей скалкой. Едва ли милсдарыня Алисанда, гордость во плоти, простит мне такое унижение.

Делия улыбнулась, хоть и сквозь слёзы.

– А крепко я ей залепила! Век помнить будет!

– Будет, – улыбнулся в ответ Вениамин.

* * *

Зимний путь от Чайкиной горы труден и опасен. Снег заметает старую имперскую дорогу, вараны бредут цепочкой, горит фонарь на длинном шесте, освещая белый тракт, чёрную стену леса слева и мрачный морской берег справа. Льды ещё не спустились с севера, и волны накатываются на камни, над тёмной водой поднимается парок.

За небольшой ухоженной областью половинчиков начинался дикий лес, правда, пока ещё не печально знаменитый Чёрный. В дне пути от башни была вторая деревня невысокликов, с более чем оригинальным названием Выселки, поменьше первой. До неё маг добрался без всяких приключений.

В Выселках мага встретили с тревогой – как же так, назначенный самим Капитулом их волшебник уезжает! Многие провожавшие чародея плакали, так что пришлось всех успокаивать, что это ненадолго и что он непременно вернётся.

Второй день пути – от Выселок до Мренна, старого городка лесорубов и старателей, крохотной гавани: некогда Империя возвела здесь волноломы и пирсы, очевидно, для дозорных судов.

Городок Мренн давно пришёл в упадок, жизнь тут едва теплилась. Старые, разрушенные временем горы подбирались близко к берегу, ходили слухи о додревних шахтах, тоже легендарных имперских времён, и когда-то тут действительно добывали немного серебра и меди. Выработки были бедные, гномы ими побрезговали, а после того, как на юге, востоке и западе были найдены куда более богатые залежи, Мренн совсем захирел, народ разбежался кто куда.

Из двух сотен уцелевших домов огни горели хорошо если в трёх десятках.

Тем не менее, мага ждал радушный приём и здесь. Он бывал в Мренне, выполняя обычную работу городского волшебника, лечил, развешивал обереги – сюда забредали оборотни, всякая лесная нечисть вроде цепняков или длиннозубов.

Побывали здесь как-то и вампиры...

Побывали, да так тут и остались. Об этом «умерщвлении» госпожа Алисанда дю Варгас или не знала, или не сочла нужным предъявить его Вениамину.

За Мренном начинались почти что земли незнаемые. Дальше этого городка маг не забирался и дорогу помнил только лишь по своему пути на север, много лет назад.

Дорога вела меж старыми горами, постепенно отодвигавшимися на восток, и морем. Полумёртвая рыбацкая деревушка к югу от городка, а за ней – знаменитый Чёрный Лес, протянувшийся на добрых восемь, если не девять дней пути.

Когда Вениамин двигался на север, тут ещё была жизнь. Редкие деревни охотников за пушниной, порой отстоящие друг от друга на целый день пути, тем не менее предоставляли страннику ночлег под крышей дома, а не в чистом поле. Сейчас же мага встретила пустыня: обвалившиеся крыши, чёрные провалы слепых окон. Нет, здесь не случилось никакой беды – люди просто покинули эти места в поисках лучшей доли. Говорили, что у братьев-рыцарей на юге, в Империи Креста, царит порядок, нет ни слишком богатых, ни слишком бедных и у каждого, кто трудится, есть свой кусок хлеба.

Потянулись трудные, сумрачные дни. Чёрный Лес испокон веку служил убежищем для тех, кому стало тесно рядом с человеком; и они выходили на дорогу собирать кровавую дань, словно мстя за давние поражения.

С цепняками, длиннозубами или лешаврами чародей не связывался. Им хватало одного-единственного огнешара, что мог какое-то время кружить над заснеженным лесом, метко плюясь вниз пламенными струями.

Три дня за магом крался следом оборотень, выжидал удобного момента, но тоже нарвался на огнешар, взвыл, жестоко обожжённый, и ускакал в чащу. Вениамин его не преследовал, и оборотень не вернулся.

Маг избегал покинутых деревень. Вредоносные магические существа не исчерпываются созданиями из плоти и крови. Призраки, аппарации, привидения, спектры – тени, отражения душ, погрязших во зле, как утверждали книги Академии. Обитатели заброшенных храмов и кладбищ, церквей, где давно перестало звучать слово Спасителя, опустевших деревень, склепов, ям и пещер,

куда сваливали трупы в разгар пандемий, – эти были куда опаснее, но, к счастью, встречались реже обычных монстров.

Или, увы, вампиров.

Маг оставлял за спиной скелеты домов и амбаров, останавливаясь в чистом поле. Здесь, южнее его башни, снег ещё не успел лечь так же основательно, как и на севере; Вениамин рубил небольшой шалаш, окружал защитными чарами его и варанов, разводил костерок и долго сидел, вглядываясь в пламя.

«Оружие возьми у мёртвых».

«Я возьму», – пообещал он холодному морю. «Я возьму», – посулил он ледяному полуночному ветру. «Я возьму», – шепнул он наконец огню.

Я возьму, и пусть небеса смилостивятся над упырями и демонами, потому что больше не смилостивится никто.

Глава 3

Фатум

Город Штирбер просыпался с трудом, медленно, нехотя. С севера тянуло ранним холодом; обыватели ёжились в открытых рядах на рыночной площади, лавочники прикрывали двери, кому надо – постучат.

В «Золотом кресте» навели некое подобие порядка. Плотники стучали молотками, стекольщики, получив срочный заказ, чинили окна.

Мастер кормил ученика; ему показалось или на самом деле после магии милсдарыни дю Варгас пареньку стало лучше?

Мэтр Бонавентура сидел с двумя уцелевшими наёмниками, Ингваром и Куртом. Их доля увеличилась, жалование погибших, оговорённое ещё до отправления,

предназначалось теперь им, но, как понял мастер, алхимик сам не очень хотел тащить людей дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Nomen Salvatoris! – Имя Спасителяво! (лат.).

2

Edelfrau – дворянка, аристократка (нем.).

3

Wer zuerst kommt, malt zuerst – Первым пришёл, первым обслужен (нем.).

4

Ja, ja, meine Dame – Да, да, моя госпожа (нем.).

5

Dimitte me – Простите меня (лат.).

6

medicus attendentes – лечащий врач (лат.).

7

Святая святых (лат.).

8

Формат книги в одну двенадцатую долю листа.

9

Tota mundi historia antiqua – Полная история античного мира (лат.).

De terrore mortis ac tenebris – Об ужасах тьмы и смерти (лат.)

Купить: <https://tellnovel.com/nik-perumov/ohotniki-megality-imperii>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)